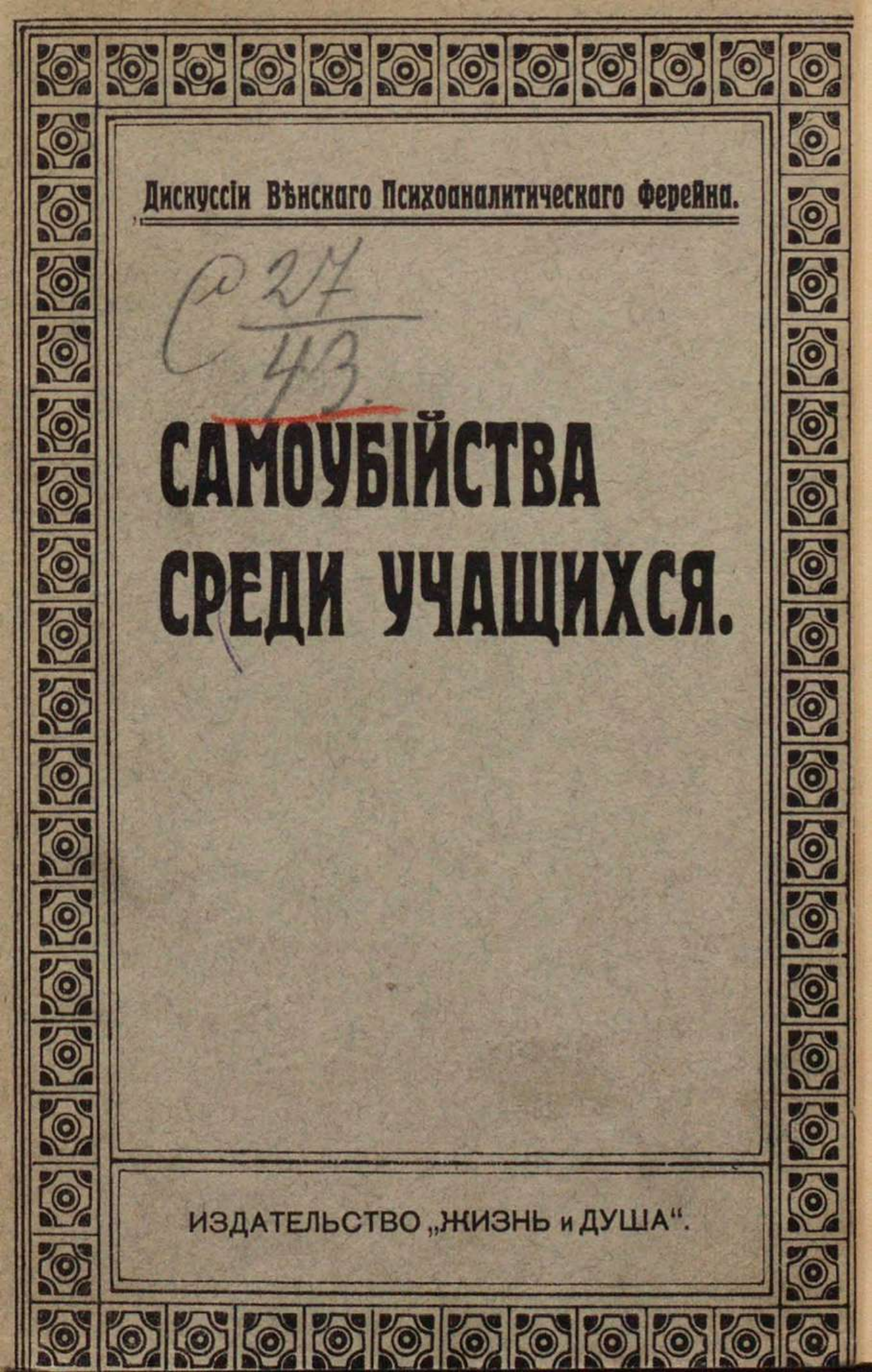

Дискуссіи Вѣнскаго Психоаналитическаго Ферейна.
С 27/43
САМОУБІЙСТВА СРЕДИ УЧАЩИХСЯ.
ИЗДАТЕЛЬСТВО „ЖИЗНЬ и ДУША".

Самоубійства среди учащихся.

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ЖИЗНЬ И ДУША“.

САМОУБІЙСТВА СРЕДИ УЧАЩИХСЯ.

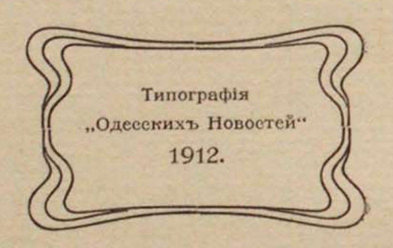
ДИСКУССІИ ВѢНСКАГО ПСИХОАНАЛИТИЧЕСКАГО ФЕРЕЙНА.

При участіи: д-ра Alfred Adler'a, профессора S. Freud'a, д-ра Karl Molitor'a, д-ра I. Sadger'a, д-ра W. Stekel'я, Unus Multorum'a.

ПЕРЕВОДЪ СЪ НѢМЕЦКАГО
М. БИКЕРМАНА.

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ Д-РА М. В. ВУЛЬФА.

ОДЕССА—1912.

Типографія
„Одесскихъ Новостей"
1912.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Предлагаемая книга—изданіе вѣнскаго психоаналитическаго ферейна. Въ предисловіи къ ней говорится слѣдующее:

„Изданіе вѣнскихъ психоаналитическихъ дискуссій имѣетъ своей первой цѣлью освѣщать психологическія проблемы передъ широкимъ кругомъ врачей, психологовъ и педагоговъ съ точки зрѣнія психоаналитическаго метода изслѣдованія. Беря на себя издательство, ферейнъ прекрасно сознаетъ всѣ недостатки такого рода публичныхъ выступленій въ сравненіи съ законченнымъ освѣщеніемъ вопроса. Недостатки эти сказываются раньше всего въ томъ, что въ одномъ случаѣ различные выводы и заключенія стоятъ рядомъ и предлагаются одновременно читателю, въ другомъ—недостаточно отмѣчены и подчеркнуты частности разбираемаго вопроса. Но въ первомъ случаѣ сказывается различіе психоаналитическаго опыта, а второе обстоятельство обусловливается самою сущностью преній и едва можетъ быть исправлено даже послѣдующей обработкой сказаннаго. Зато преимущества изданія такого рода дискуссій настолько очевидны, что вполнѣ оправдываютъ рѣшеніе ферейна. Во-первыхъ, сохраняется непосредственная связь съ выводами психоанализа, такъ какъ каждый авторъ

вынужденъ опираться на свой личный опытъ. Съ другой стороны, ожиданіе немедленной критики побуждаетъ въ большей степени, чѣмъ при писаніи книги, къ особой сдержанности сужденій. Пусть читатель самъ рѣшитъ, насколько это удалось участникамъ и отразилась-ли непосредственность живой рѣчи, хотя бы отчасти, при письменномъ изложеніи".

Изъ сказаннаго видно, что предлагаемая книга не представляетъ изъ себя нѣчто цѣльное и не даетъ законченнаго и опредѣленнаго освѣщенія вопроса. И если мы тѣмъ не менѣе рѣшились предложить ее широкому кругу читателей, то насъ побудила къ этому раньше всего болѣзненная жгучесть вопроса, ставшаго для насъ почти роковымъ. Кромѣ того, книга эта, при всѣхъ своихъ недостаткахъ, имѣетъ одно огромное достоинство: многое изъ того, что въ ней сказано, является результатомъ не отвлеченныхъ разсужденій и соображеній, а добыто путемъ психоаналитическаго проникновенія и изученія человѣческой души. Въ ней обобщены и научно освѣщены данныя, почерпнутыя не только изъ книгъ, письменныхъ документовъ въ видѣ писемъ, дневниковъ и т. п.,—всегда почти неискреннихъ и не лишенныхъ рисовки или, сознательно или безсознательно, скрывающихъ истину,—а основанныя на безпощадно - откровенной исповѣди передъ спеціалистами-врачами больныхъ и людей, покушавшихся на самоубійство. Многое въ ней продиктовано непосредственными переживаніями изъ глубины безсознательной душевной жизни самоубійцъ,—изъ той сокровенной глубины, гдѣ зарождаются и созрѣваютъ главные импульсы жизни и

смерти. Въ этой книгѣ отразилась тайная, закулисная сторона душевной жизни, освѣщенная опытомъ, правда, еще молодой науки—психоанализа. Это ея главная заслуга. И этимъ объясняется и то, что кое-что въ ней можетъ съ перваго раза показаться страннымъ, непонятнымъ.

Еще одна оговорка: книга эта, какъ и засѣданія ферейна, предназначалась для болѣе узкаго круга спеціалистовъ-врачей, психологовъ и педагоговъ. Передавая ее въ руки широкой публики, мы должны были, въ цѣляхъ доступности, сдѣлать нѣкоторыя сокращенія, не нарушающія въ общемъ сути и хода мыслей авторовъ.

Одной маленькой надеждой льстимъ мы себя, и да позволено намъ будетъ подѣлиться ею съ читателемъ. Печальнымъ показателемъ больного духа нашего времени можетъ служить то обстоятельство, что самоубійство для многихъ окружено ореоломъ чего-то, не то мученическаго, не то геройскаго, смѣлаго. Поэтому все, что содѣйствуетъ уничтоженію, подрыву этого ореола, желательно и цѣнно. Съ этой точки зрѣнія, быть можетъ, за предлагаемой книжкой найдутся кое-какія практическія заслуги. Въ ней содержится нѣсколько горькихъ истинъ о томъ, что самоубійство—актъ мести задыхающейся безсильной злобы, а не мужественнаго самовольнаго отреченія, что оно—результатъ слабости, а не силы духа. Быть можетъ, это поведетъ кого-нибудь изъ слабыхъ духомъ на вѣрный путь, научитъ правильнѣй понимать себя, свои желанія, импульсы и удержитъ отъ ложнаго и непоправимаго шага.

Редакція.

UNUS MULTORUM.

По общепринятому мнѣнію, тотъ имѣетъ больше всего права на изслѣдованіе какого-либо научнаго вопроса, кто меньше всего лично заинтересованъ въ томъ или иномъ разрѣшеніи его. Отъ него лишь ждутъ безпристрастной твердости, объективности, непредубѣжденности и всѣхъ, такъ называемыхъ, прекрасныхъ добродѣтелей хорошаго судьи.

Поэтому, когда дѣло идетъ о выясненіи причинъ и о предупрежденіи самоубійствъ среди учащихся, то меньше всѣхъ вниманія заслуживаетъ учитель, даже такой, дѣятельность котораго еще не омрачена была ни одной злосчастной случайностью подобнаго рода. Можетъ быть, профессіональнымъ представителямъ школы слѣдовало бы присоединиться къ такому рѣшенію, если-бъ оно было въ то-же время обязательно для увлекающихся противниковъ нашей школы. Но въ моменты страстнаго волненія, когда какой-нибудь учащійся падетъ жертвой непостижимаго презрѣнія къ жизни, на учителя обрушиваются со всѣмъ краснорѣчіемъ ненависти, со всей мощью ежедневной прессы, и онъ долженъ заявить, по крайней, мѣрѣ о своемъ правѣ тяжущейся стороны.

Если школа, призванная безшумной, но упорной работой направлять будущность нашей культуры и воздѣйствовать такимъ путемъ на настоящее, низведена до скамьи подсудимыхъ, то она не должна быть, оставлена безъ защиты. Въ этомъ смыслѣ написаны нижеслѣдующія строки.

Если самоубійство, какъ отрицаніе сильнѣйшаго изъ человѣческихъ инстинктовъ, инстинкта самосохраненія, вообще противно нашему чувству, то еще въ большей степени это справедливо относительно самоубійства дѣтей, такъ какъ въ ребенкѣ мы на ряду съ нерастраченной жизненной силой предполагаемъ и несокрушимое желаніе жить.

Этотъ эмоціональный взглядъ находитъ себѣ полное подтвержденіе въ рядахъ статистическихъ цифръ. Изъ нихъ видно, что подавляющее большинство самоубійцъ уходитъ изъ жизни въ возрастѣ выше 15 лѣтъ. Слѣдовательно, среди ненормальныхъ ненавистниковъ жизни тѣ, которымъ меньше 15 лѣтъ, составляютъ ненормальность второго порядка. И то, что эта группа самоубійцъ возрастаетъ совсѣмъ не параллельно общему числу самоубійцъ, еще сильнѣе должно укрѣпить насъ въ убѣжденіи въ ея своеобразности.

Поэтому объясненіе, достаточное для самоубійства взрослыхъ, не можетъ еще сдѣлать для насъ вполнѣ понятнымъ дѣтскія самоубійства. Однако-жъ, вполнѣ правильно разсматривать эти случаи вмѣстѣ съ самоубійствомъ лицъ между 15 и 20 годами, какъ одну проблему и расширить такимъ образомъ изслѣдованіе о дѣтскомъ самоубійствѣ до вопроса о причинахъ самоубійства въ юномъ возрастѣ.

Но въ публичныхъ дискуссіяхъ вопросъ на ряду съ расширеніемъ этого изслѣдованія получаетъ и значительное ограниченіе, такъ какъ принимаются во вниманіе лишь юные самоубійцы, посѣщающіе школы, и дѣяніе ихъ подводится подъ рубрику „самоубійства учащихся“. Однако это понятіе вызываетъ возраженія, которыя, мнѣ кажется, нелишнимъ высказать съ возможной ясностью и опредѣленностью.

Обсужденіе, вызванное послѣдними самоубійствами учащихся, ясно показываетъ, что болѣе узкое понятіе „самоубійство учащихся“ вытѣснило изъ общественнаго сознанія

болѣе широкое—„самоубійство въ юномъ возрастѣ“ и совершенно заняло его мѣсто, такъ что о юныхъ самоубійцахъ, не посѣщающихъ школы, вовсе не думаютъ. Но этимъ еще не исчерпывается вся путаница, внесенная злосчастнымъ лозунгомъ „самоубійство учащихся“.

Въ періодъ бурнаго развитія, дающаго почти въ восемь разъ больше самоубійствъ, чѣмъ дѣтскій возрастъ, во время отъ 15 до 20 лѣтъ, нѣтъ иныхъ учащихся, какъ въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, слѣдовательно, приходятъ къ выводу, что самоубійства бываютъ только въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Въ этомъ—новый толчекъ къ смѣшенію понятій и неправильному освѣщенію фактовъ. Какъ „самоубійство учащихся“ заставляетъ забыть о „самоубійствѣ въ юномъ возрастѣ“, такъ оно само забывается, благодаря „самоубійству учащихся въ средней школѣ“. Одно послѣднее живо въ сознаніи общества, какъ кровавый призракъ, свирѣпствующій среди цвѣта нашего юношества.

Такую характеристику заблужденій, царящихъ въ нашемъ вопросѣ, назовутъ преувеличеніемъ. Но стоитъ лишь вспомнить дискуссіи, возбужденныя въ послѣднее время самоубійствами учащихся въ среднихъ школахъ Вѣны. Въ концѣ-концовъ понадобилось сообщеніе нашего министерства народнаго просвѣщенія о томъ, что самоубійства бываютъ и въ средѣ ремесленныхъ учениковъ и приказчиковъ?

Но чѣмъ больше самоубійства учащихся заставляютъ забывать о юныхъ самоубійцахъ въ иныхъ слояхъ общества, тѣмъ активнѣе становится побужденіе выяснить истинную роль школы каждый разъ, когда какой-либо учащійся добровольно разстанется съ жизнью.

Какъ обманчивъ этотъ призракъ, нераздѣльный со словами „самоубійство учащихся“! Какъ часто презрѣніе молодыхъ самоубійцъ къ жизни лишено какого-либо отношенія

къ школѣ; какъ часто даже тамъ, гдѣ оно имѣется, при болѣе тщательномъ изслѣдованіи вмѣсто причины оказывается поводъ. Но будетъ лучше вслѣдъ за раскрытіемъ ошибокъ, запутывающихъ вопросъ о самоубійствѣ, изложить по порядку дѣйствительныя обстоятельства дѣла.

Самоубійство въ юномъ возрастѣ—соціальное явленіе, значеніе котораго гораздо шире, чѣмъ полагаютъ однодневные историки нашихъ газетъ. Не нероновски настроеннымъ гимназическимъ учителямъ понадобилось его культивировать! Не слѣдуетъ также смотрѣть на него глазами мѣстнаго репортера, какъ на австрійскую или даже вѣнскую особенность. Районъ его распространенія—современный культурный міръ, и вмѣстѣ съ послѣднимъ оно возросло.

Въ эпоху Возрожденія, когда изъ разрыва съ ближайшимъ и возврата къ древнѣйшему прошлому возникла современная культура, столь богатая, но и столь сложная, безпокойная и полная противорѣчій, какъ ни одна до нея— и тогда уже всплываетъ на поверхность страшный парадоксъ дѣтскаго самоубійства, и одинъ изъ лучшихъ и проницательнѣйшихъ людей, съ печатью современнаго генія, *Michael Montaigne,* оцѣнилъ этотъ фактъ, какъ печальное знаменіе своего времени.

Во второй половинѣ восемнадцатаго вѣка такіе случаи уже столь часты, что вызываютъ статистическій подсчетъ. И такимъ образомъ, статистику дѣтскихъ самоубійствъ въ Пруссіи можно прослѣдить до 1749 года. Въ цифрахъ ея ясно можно замѣтить движеніе вверхъ. Между 1883—1905 г.г. коэффиціентъ смертности отъ самоубійствъ, т. е. отношеніе числа юныхъ самоубійцъ къ 100.000 сверстниковъ, возросъ съ 7,02 до 8,26. Къ счастью, однако, въ самоубійствахъ дѣтей не наблюдается такого постояннаго возрастанія, какое свойственно самоубійству взрослыхъ. Бываютъ крупные скачки

назадъ, компенсирующіеся лишь многолѣтнимъ постепеннымъ приростомъ.

Обозрѣніе историческаго развитія дѣтскаго самоубійства указало намъ также на географическое распространеніе печальнаго явленія. Мы нашли его во Франціи Montaigne'я и должны лишь добавить, что оно и понынѣ имѣется въ этой странѣ. Подобно Пруссіи и остальной Германіи, юные самоубійцы служатъ предметомъ статистическаго наблюденія также и въ Швейцаріи, Италіи и Англіи.

Причины зла, имѣющаго такое распространеніе и такую давность, не могутъ быть ограничены ни временемъ, ни мѣстомъ. Не могутъ онѣ заключаться въ школьныхъ установленіяхъ, появившихся лишь въ новѣйшее время и дѣйствующихъ лишь въ Австріи. Но если допустить, что суровая школьная дисциплина дѣйствительно вселяетъ такое отвращеніе къ жизни, какъ утверждаютъ многіе, то какъ же объяснить то, что самоубійство преобладаетъ среди юношества, въ то время какъ принципъ снисходительности къ слабымъ, завоевавшій уже всѣ учрежденія общественной жизни, не остановился также у дверей школы?

На сколько мягче стала школа на протяженіи одного поколѣнія, можно показать лишь на одномъ мелкомъ фактѣ. Одно весьма заслуженное лицо, занимающее высокое положеніе въ нашемъ учебномъ вѣдомствѣ, могло въ свои молодые годы, когда оно состояло еще учителемъ, считать допустимой оцѣнку успѣховъ въ концѣ семестра для большей половины класса баллами „неудовлетворительно“ и „совершенно неудовлетворительно“. Но чѣмъ могъ бы теперь оправдать учитель такое распредѣленіе отмѣтокъ, когда учебная администрація уже при 25% „неудовлетворительно“ (баллъ „совершенно неудовлетворительно“ отмѣненъ)—запрашиваетъ объясненія и обыкновенно дѣлаетъ еще порядочный выговоръ?

Слѣдовательно, если нашимъ учащимся и не дана возможность вполнѣ благоденствовать и вести жизнь полную наслажденій, то на ихъ долю выпала, во всякомъ случаѣ, болѣе спокойная жизнь, и если они тѣмъ не менѣе чаще прежняго отвергаютъ ее, то упреки въ этомъ не должны падать на школу.

Но и само возрастаніе самоубійства учащихся мы никоимъ образомъ не можемъ считать установившимся фактомъ. Къ сожалѣнію, въ нашемъ распоряженіи нѣтъ, правда, матеріаловъ относительно австрійскихъ школъ, а есть лишь относительно прусскихъ. Но тѣ, навѣрное, не мягче нашихъ. Примѣняются-же тамъ совершенно запрещенныя у насъ тѣлесныя наказанія вплоть до высшихъ классовъ, соотвѣтствующихъ классамъ австрійской средней школы. Несмотря на эту строгую школьную дисциплину, число самоубійствъ, совершенныхъ въ низшихъ и высшихъ школахъ Пруссіи въ 1905 году не выше, чѣмъ въ 1883 году. Въ томъ и другомъ году оно составляло—58.

Не видно также возрастанія самоубійствъ въ Пруссіи и въ томъ случаѣ, если ограничить статистику высшими школами, соотвѣтствующими нашей столь ужасной средней школѣ. Въ 1883 году самоубійствомъ покончило 19 учащихся въ этихъ учебныхъ заведеніяхъ, въ 1905 году, напротивъ, лишь 18.

Относительно времени между 1869 и 1881 г. г. учрежденная министромъ народнаго просвѣщенія *fon Gossler*'омъ въ 1883 году слѣдственная комиссія, въ которую входилъ также *Рудольфъ Вирховъ*, высказалась, что въ предложенномъ статистическомъ матеріалѣ нельзя открыть „ни малѣйшаго слѣда многократно упоминаемаго возрастанія самоубійствъ среди учащихся высшихъ учебныхъ заведеній“.

Текстъ этого заключенія показываетъ, какими причинами оно было вызвано. Надо было разслѣдовать, тогда уже

публично раздававшіяся въ Пруссіи, жалобы на высшія школы по поводу самоубійствъ учащихся.

Слѣдовательно, и этому опаснѣйшему оружію своихъ враговъ средняя школа противостояла впродолженіи человѣческаго поколѣнія. Да послужитъ это защитникамъ ея поощреніемъ къ дальнѣйшей борьбѣ!

Слѣдуя теперь этому нашему призыву, постараемся привести новыя доказательства въ защиту, подвергающейся нападкамъ, школы.

Коэффиціентъ смертности отъ самоубійства въ юномъ возрастѣ въ 1905 году на 1,26 выше, чѣмъ въ 1883. На счетъ самоубійствъ учащихся это не можетъ быть отнесено. Ибо послѣднія, какъ упомянуто уже, въ 1905 году были не многочисленнѣе, чѣмъ въ 1883. Поэтому самоубійство могло распространиться лишь среди той части юношества, которая не посѣщаетъ школы, а пребываетъ въ практической жизни.

Итакъ, школа, въ частности средняя школа, какъ будто и не способствуетъ, какъ постоянно утверждаютъ, росту самоубійствъ, а гораздо скорѣе задерживаетъ его. Окончательное рѣшеніе вопроса о вліяніи средней школы на движеніе самоубійствъ, разумѣется, можно было-бъ получить лишь путемъ статистическаго изслѣдованія на самыхъ широкихъ основаніяхъ. Выполненіе этой задачи мы должны, разумѣется, предоставить нашей центральной статистической коммиссіи, методъ-же мы считаемъ себя вправѣ указать.

Надо подсчитать, съ одной стороны, всѣхъ учащихся въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, а съ другой—того-же возраста молодежь изъ другихъ сферъ жизни и въ предѣлахъ этихъ двухъ классовъ опредѣлить, какая часть общаго числа ихъ кончаетъ въ одинъ годъ самоубійствомъ?

Показанія, почерпнутыя изъ прусской статистики, дали

намъ право утверждать, что коэффиціентъ самоубійствъ въ обѣихъ группахъ будетъ одинъ и тотъ-же, или даже ниже на сторонѣ учащихся въ средней школѣ. Пожелаемъ-же скораго и авторитетнаго подтвержденія этого вывода соотвѣтствующими учрежденіями.

Но одно можно теперь уже считать очевидной истиной,— а именно, что школа, по крайней мѣрѣ, не единственная сила, загоняющая молодыхъ людей въ могилу. Объ этомъ свидѣтельствуетъ не только множество молодыхъ самоубійцъ, которые ко времени совершенія этого акта прошли уже школу, это можно доказать также и статистикой самоубійствъ учащихся.

Статистика совершающихся въ прусской школѣ самоубійствъ включаетъ въ сферу своихъ наблюденій также мотивы ихъ. Къ сожалѣнію, она не отдѣляетъ при этомъ „суроваго обращенія учителей“ отъ „суроваго обращенія родителей и домашнихъ“.

На основаніи самаго придирчиваго изслѣдованія этого матеріала, прусскій психіатръ *Eulenburg* *) лишь въ 37% всѣхъ случаевъ могъ предположить причинную связь съ страхомъ наказанія за школьный проступокъ или огорченіемъ въ виду недостаточной успѣшности въ школѣ.

Итакъ, самоубійства учащихся, дѣйствительно, заслуживающія этого имени, потому что они мотивируются школой, составляютъ значительно меньшую часть всѣхъ случаевъ.

Но школа, вѣдь, существуетъ лишь для подготовки къ жизни; поэтому не представляется-ли страшнымъ парадоксомъ каждый случай, когда школа вызываетъ бѣгство изъ жизни?

---

*) Schülerselbstmorde. *A. Eulenburg.* Оттискъ изъ V года изданія ежемѣсячника, посвященнаго педагогической реформѣ „Der Säemann“. 1909 г. B. G. Teubner, Лейпцигъ.

Конечно! Но какъ разъ парадоксальное несоотвѣтствіе между ничтожествомъ мотивовъ и несравненной тяжестью послѣдствій связываетъ эти самоубійства учащихся съ другими случаями дѣтскаго самоубійства, отъ которыхъ они обыкновенно отдѣляются.

Не меньше, чѣмъ школьное наказаніе, и домашнее воздѣйствіе можетъ, вслѣдствіе предшествующаго ему страха или послѣдовавшей за нимъ обиды, моментально повести къ самоубійству. И если даже запрещеніе посѣтить храмовое празднество или недопущеніе къ участію въ охотѣ или сборѣ рѣпы можетъ сдѣлать мальчика самоубійцей, то слѣдовательно мы имѣемъ здѣсь дѣло съ особенностью жизни дѣтской души, пока, по крайней мѣрѣ, не поддающейся никакимъ разсчетамъ, и загадка самоубійства тонетъ въ гораздо болѣе широкихъ загадкахъ—проблемахъ психологіи и психопатологіи ребенка. Ибо, по меньшей мѣрѣ, часть юныхъ самоубійцъ патологична. Какъ разъ для того вида, который насъ интересуетъ, это несомнѣнно доказано.

Произведенное *Eulenburg*'омъ изслѣдованіе 320 совершенныхъ въ высшихъ школахъ Пруссіи самоубійствъ, основанное въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ на подробномъ оффиціальномъ донесеніи, дало въ 10% случаевъ ясно выраженное душевное разстройство. „Ихъ было-бъ, вѣроятно, еще больше“ добавляетъ авторъ, „если-бы какъ разъ въ этомъ направленіи, гдѣ дѣло касается особыхъ врачебныхъ свидѣтельствъ, не покинули насъ лежащія предъ нами донесенія“. (Стр. 12).

Между несомнѣнно патологическими самоубійцами, исторію которыхъ *Eulenburg* разсказываетъ подробнѣе (стр. 13 и слѣд.), заслуживаетъ особаго вниманія одинъ абитуріентъ, застрѣлившійся на кладбищѣ въ день письменнаго экзамена зрѣлости. Сколько благороднаго негодованія по поводу убійственныхъ экзаменаціонныхъ мученій можно было-бъ почерп-

нуть въ этой печальной случайности, если-бъ не извѣстно было, что несчастный юноша уже пять лѣтъ лечился у врача „отъ больныхъ нервовъ“ и обремененъ былъ тяжелой наслѣдственностью.

Но этотъ случай поучителенъ и по другой причинѣ. Онъ представляетъ въ нѣкоторой степени посредствующее звено между самоубійствами, вытекающими изъ остраго психическаго заболѣванія, и такими, гдѣ послѣдняго, правда, нѣтъ, но, по отношенію къ которымъ можно доказать ,,врожденную, болѣе или менѣе тяжкую невропатическую обремененность, конституціональное предрасположеніе въ формѣ *недоразвитости, слабости* или психической ,,малоцѣнности“.

Къ этой второй группѣ относятся, по *Eulenburg*'у, изъ тѣхъ 320 подробно описанныхъ случаевъ не меньше 57, что составляетъ почти 18%.

Многіе изъ собранныхъ здѣсь самоубійцъ происходили изъ семей пьяницъ или были инымъ образомъ обремeнены тяжелой наслѣдственностью. Если эта душевная ненормальность довела уже одного или даже нѣсколькихъ изъ старшихъ членовъ семьи до самоубійства, то сила наслѣдственнаго отягощенія увеличивается силой внушенія, производимаго примѣромъ, о которомъ, въ виду чрезвычайнаго значенія его, позднѣе придется говорить подробнѣе. Здѣсь-же мы указываемъ на отклоненія въ развитіи, перетерпѣваемыя юной душой въ кругу ненормальной семьи.

Если-же какой-нибудь мальчикъ, придавленный обстоятельствами, вродѣ только что описанныхъ, изъ-за отсталости развитія не отвѣчаетъ требованіямъ школы и вмѣсто того, чтобы бороться съ неуспѣшностью новыми усиліями, считаетъ игру потерянной и убиваетъ себя, то школа-ли виновна въ его гибели?

Съ удивительной ясностью мысли умирающаго, которую наивное благочестіе почитало, какъ даръ прорицанія, отвѣ-

тилъ на вопросъ одинъ изъ этихъ несчастныхъ. Это былъ 16-лѣтній мальчикъ, внѣбрачное дитя, названное въ виду этого по имени матери, не признанное отцомъ и терпѣвшее суровое обращеніе его даже послѣ узаконенія сожительства родителей. Не добившись перевода въ предпослѣдній классъ реальнаго училища, на который онъ въ совершенно неосновательномъ самообольщеніи надѣялся, несчастный застрѣлился. Въ карманѣ у него нашли визитную карточку со слѣдующими строками: „Дорогіе родители! Простите меня. Я не зналъ навѣрно, что такъ будетъ. Мой слабый характеръ не позволяетъ мнѣ вновь снести этотъ позоръ. Д-ру Е. (классный наставникъ его класса) сердечный привѣтъ“. Такъ несчастный вслѣдъ за признаніемъ своей слабости, въ послѣднемъ своемъ словѣ, говоритъ „прости“ учителю *).

Каковыми же намъ покажутся теперь журналисты, изрекающіе въ такихъ случаяхъ—ихъ всегда слишкомъ много—не затемненный ни малѣйшимъ знаніемъ дѣла и потому изумительно простой приговоръ: самоубійство учащихся.... дѣло школы!

Но зачѣмъ спорить съ тѣми, кто не желаетъ слушать объясненій! Лучше намъ самимъ поискать объясненій.

Почти въ четвертой части тѣхъ 320 самоубійствъ учащихся, о которыхъ *Eulenburg* могъ составить себѣ мнѣніе на основаніи документовъ, первопричиной катастрофы послужило отсутствіе необходимыхъ для высшей школы дарованій (стр. 17). Столькихъ жертвъ требуетъ, значитъ, неразуміе, изъ-за котораго дѣти насильно удерживаются на томъ поприщѣ, на которомъ они, даже при добросовѣстныхъ усиліяхъ, не могутъ достигнуть накакихъ успѣховъ. И не слѣдуетъ-ли считать жертвами тѣхъ, кто вынужденъ отдать

---

*) По скольку этотъ фактъ говоритъ за или противъ школы — предоставляемъ судить читателю.

Редакція.

свои драгоцѣнные молодые годы на переполненіе высшихъ школъ раньше, чѣмъ смогутъ поискать пристанища для своего разбитаго существованія.

И какъ легко можно было-бъ избѣгнуть всѣхъ этихъ жестокихъ несчастій для „слишкомъ многихъ", если-бъ родители считались съ предостереженіями учителей или, такъ какъ это лишь рѣдко достижимо, если-бъ учителямъ вмѣстѣ съ психологически образованными школьными врачами предоставлено было право по возможности устранять изъ учебныхъ заведеній тѣлесно и духовно неподходящихъ учениковъ, для собственной же пользы послѣднихъ.

Но у рѣшительныхъ проповѣдниковъ борьбы за реформу школы имѣется, вѣдь, наготовѣ безболѣзненное средство. Правда, коренной реформы старой матери природы, все еще производящей на свѣтъ на ряду со способными также тупыя головы, не смѣютъ обѣщать даже эти розово настроенные оптимисты.

Но они находятъ выходъ. Если головы не желаютъ приспособляться къ школѣ, то надо приспособлять школу къ головамъ до тѣхъ поръ, пока не будетъ никакого тренія. Всякому шапочнику удастся такой фокусъ, такъ нашимъ ли мудрымъ реформаторамъ школы не справиться съ нимъ. Мудрецъ справится со всѣми ремеслами, учили древніе стоики. Этотъ многократно осмѣянный парадоксъ находитъ себѣ, такимъ образомъ, самоновѣйшее подтвержденіе.

Наши учащіеся, имѣя не одни только школьные интересы, вѣроятно, и при новомъ, удобномъ фасонѣ шляпъ будутъ прибѣгать къ самоубійствамъ. Но зато, несомнѣнно, совершено будетъ убійство надъ духовной жизнью націи.

Но за комедіей, разыгрываемой тѣми, кто громитъ и вверхъ дномъ опрокидываетъ школу, не надо намъ забывать о трагедіи самоубійствъ учащихся.

Обсудивъ роковую коллизію между обязательнымъ и

возможнымъ, разбивающую жизнь многихъ хорошихъ, но не одаренныхъ учащихся и возлагающую тяжкую вину на ослѣпленныхъ честолюбіемъ родителей ихъ, разсмотримъ не менѣе убійственный разладъ между юношескимъ желаніемъ и требованіями необходимости.

Многочисленныя жертвы его—въ Пруссіи 81 изъ 320 (стр, 17, 20 и сл.)--люди хорошихъ, иногда выдающихся дарованій, которые вслѣдствіе преждевременнаго развитія стремятся проявлять въ поступкахъ и удовольствіяхъ зрѣлую возмужалость, но по возрасту вынужденные жить опекаемыми школьниками. Но возлагать вину за губительно раннее развитіе этихъ несчастныхъ на школу не придетъ въ голову и самымъ злобнымъ обвинителямъ ея. Съ извѣстной стороны какъ будто возводится, вѣдь, чуть-ли не въ законъ природы совершенно противоложное, притупляющее вліяніе нашихъ высшихъ учебныхъ заведеній на крупные умы. И кто не знаетъ, сколько знаменитыхъ тупицъ отъ *Клопштока* до *Ницше* вышло изъ однихъ только школьныхъ воротъ?

Слѣдовательно, если наши классы населены архимодернистскими поэтами, ультра-революціонными политиками, сверхъ-человѣческими философами и романическими героями, которымъ не чуждо ничто человѣческое, то въ этомъ сказывается вліяніе общества, которое теперь не меньше, чѣмъ во время появленія христіанства, тягостно и болѣзненно ищетъ обновленія всей своей жизни и въ титаническую борьбу свою втягиваетъ также юношество и именно юношество. Но почему-жъ у школы такъ легко вырвать ея питомцевъ? Вмѣсто многихъ причинъ да послужитъ къ оправданію ея только одна и самая простая. Какимъ небольшимъ оказывается въ теченіе года время, предоставленное школѣ для работы ея надъ юношествомъ. Все прочее время дѣйствуютъ соціальныя силы, раньше всего, родительскій

домъ, а также и общество, общественное мнѣніе, новая литература и искусство.

Намъ не удалось убѣдить нашихъ читателей въ томъ, что для этіологіи ученическихъ самоубійствъ домашняя жизнь представляетъ рѣшающій моментъ; неуспѣшность же, напротивъ, служитъ не больше, какъ поводомъ къ взрыву катастрофы. Ограничиваясь нашими психологическими разсужденіями, мы изучали лишь доступный міръ сознательнаго, предоставляя экскурсіи въ тѣ глубины, гдѣ обитаютъ первоисточники всякой психической жизни,—безсознательныя мысли и желанія, — настоящему мастеру въ царствѣ духовъ и свѣдущимъ адептамъ его. Но уже бѣглый обзоръ нашъ настолько доказалъ вліяніе домашнихъ обстоятельствъ на самоубійства учащихся, что требованіе начинать профилактику въ родительскомъ домѣ кажется основательнымъ.

Учитель въ теченіи короткаго времени долженъ наблюдать одновременно многихъ дѣтей, причемъ ему приходится замѣчать раньше всего интеллектуальные задатки, во всѣ-же болѣе глубокія движенія души онъ проникаетъ лишь рѣдко, потому что онѣ намѣренно скрыты отъ него.—Въ родительскомъ-же домѣ каждаго ребенка въ отдѣльности можно наблюдать втеченіе любого времени и при томъ—въ непринужденномъ состояніи. Тутъ можно также замѣтить возникновеніе тягостнаго душевнаго конфликта и предупредить обостреніе, ведущее къ катастрофѣ. Но этой возможностью совершенно не пользуются, какъ слѣдуетъ. Такъ *Eulenburg* (стр. 14), приглашенный къ одному 19-тилѣтнему ученику выпускного класса, совершившему самоубійство, узналъ, „что этотъ молодой человѣкъ уже въ теченіе мѣсяцевъ не обмѣнялся съ родными ни однимъ словомъ и жилъ въ домѣ совершенно предоставленный самому себѣ, видимо, въ тяжелой меланхоліи“.

Чего не успѣваютъ замѣтить въ родительскомъ домѣ, то

обыкновенно остается скрытымъ и для школы. Когда-же ей подается нужный знакъ, она, несомнѣнно, многое можетъ сдѣлать для предохраненія чрезмѣрно возбужденнаго мальчика отъ состоянія отчаянія. Однако-жъ, такое счастливое взаимодѣйствіе лишь тогда было-бъ достижимо, если-бъ изъ сердца родителей исчезло болѣзненное недовѣріе къ школѣ, если-бъ они рѣшили заключить съ ней союзъ, и не затѣвать противъ нея враждебныхъ выступленій. Можетъ быть, это столь желанное довѣріе легче было-бъ пріобрѣсти, если-бы школа утеряла опасную привилегію выносить безапелляціонный приговоръ о работахъ учениковъ, и для устраненія неудобствъ учреждены были бы провѣрочныя испытательныя комиссіи. Ученику, которому кажется, что съ нимъ обошлись сурово или даже несправедливо, должно быть предоставлено право доказать на испытаніи во второй инстанціи, что его знанія выше. Даже самый непріязненный журналистъ не сможетъ тогда утверждать, будто своей надписью „неудовлетворительно" учитель подписалъ смертный приговоръ. (Ср. Dr. *N. Fischl*: „Die Klassifikationssorgen". Die Zeit № 2790, 2 іюля 1910 г.).

Съ точки зрѣнія психологіи наиболѣе глубокихъ и безсознательныхъ душевныхъ движеній очевидно, что и съ измѣненіемъ системы оцѣнки знаній, только что предложенной нами, учащіеся нашей средней школы не потеряли бы всѣхъ причинъ для самоубійства. Истинную и конечную причину этого дѣянія часто даже совсѣмъ нельзя выяснить, и еще меньше поэтому можно устранить предупредительными мѣропріятіями.

Однако, уже многое было-бы достигнуто, если-бъ молодымъ кандидатамъ на самоубійство старались ставить препятствія въ исполненіи ихъ желаній. Вѣрно, разумѣется, что человѣкъ, почти рѣшившій уже разстаться съ жизнью, сумѣетъ одолѣть всякое препятствіе, мѣшающее его намѣре-

нію и не отступитъ передъ ужаснѣйшими средствами истребленія. Но столь же мало можно спорить и противъ того, что случай не только вору на-руку, но и самоубійцѣ—тоже, и что удобный случай для самоубійства данъ тому, кто можетъ осуществить свою смерть въ любое время путемъ легко доступнаго моментальнаго поступка, завѣдомо безболѣзненно и безъ вызывающихъ отвращеніе увѣчій и уродованій. Всѣмъ этимъ условіямъ столь полно удовлетворяетъ огнестрѣльное оружіе, что оно просто навязываетъ, какъ говорятъ психологи, внушаетъ своему обладателю идею о самоубійствѣ. По той же причинѣ, одинъ знакомый нашъ, ученикъ высшей школы, испытывая одно время сильное уныніе, отказался тогда отъ красиваго револьвера, служившаго ему въ гимназическіе годы любимой игрушкой.

Прямой противоположностью этому молодому человѣку, кажется намъ, тотъ, часто упоминавшійся прошлой зимой, вѣнскій мальчикъ, который воспользовался отцовской оружейной коллекціей, чтобы избрать себѣ наиболѣе подходящее оружіе смерти. Безъ подробнаго знакомства съ ближайшими обстоятельствами нельзя, конечно, утверждать, что мысль объ оружейной коллекціи благопріятствовала складывавшемуся рѣшенію о самоубійствѣ. Однако-жъ противное,—несущественность именно этого фактора, вѣроятно, еще труднѣе было-бы доказать. Этотъ печальный случай остается вполнѣ пригоднымъ для вразумленія отцовъ, полагавшихъ до сихъ поръ, что револьверъ столь-же умѣстенъ въ карманѣ порядочнаго юноши, какъ и часы.

Однако, огнестрѣльное оружіе дѣйствуетъ соблазнительно и суггестивно лишь тѣмъ, что даетъ возможность совершить самоубійство. Стрѣлокъ-же, пускающій оружіе въ ходъ противъ собственной личности, долженъ поэтому вліять суггестивнѣе. Но для полнаго пониманія исходящей отъ самоубійцъ силы внушенія необходимо еще слѣдующее соображеніе: изъ мно-

жества средствъ, примѣняемыхъ для самоистребленія, наибольшей силой внушенія обладаетъ лишь одно орудіе умерщвленія—револьверъ, но не веревка, не спички, не рѣка и не трехъэтажный домъ. Между тѣмъ, всякое самоубійство, какъ бы оно осуществлено ни было, влечетъ къ подражанію.

Такъ, въ одномъ англійскомъ городѣ, названіе котораго я, забылъ, къ сожалѣнію, самоубійства производились путемъ сбрасыванія съ одного моста, правда, съ перерывами въ нѣсколько лѣтъ, но затѣмъ сразу серіями (по д-ру *Baer*'у: Der Selbstmord im Kindesalter). Много еще другихъ фактовъ показываетъ, что самоубійство заразительно. Форменныя эпидеміи самоубійствъ представляетъ намъ еще древнее время. Съ конца V вѣка до Р. X. самоубійства стали въ Аѳинахъ замѣтно учащаться, несомнѣнно, подъ вліяніемъ примѣра, поданнаго дѣйствительнымъ или лишь предполагаемымъ самоубійствомъ великаго государственнаго мужа Ѳемистокла. (*R. Hirzel*. Der selbstmord, Archiv für Religionswissenschaft. 1908 г., стр. 91). Въ то же время среди безразсудныхъ аѳинскихъ женщинъ вела пропаганду самоотравленія Сѳенебойя, героиня эврипидовой трагедіи (стр. 102). Въ III и послѣдующихъ столѣтіяхъ, въ эпоху эллинизма, въ центрѣ этой культуры,—Александріи, бѣгство изъ жизни стало повседневнымъ явленіемъ. Достаточно было пессимистически-настроенному гедонисту Гегезію, прозванному Πεισιθάνατος, проповѣдникомъ смерти, съ убѣдительностью выяснить въ своихъ чтеніяхъ ничтожность бытія и право на самоосвобожденіе, чтобы толкнуть множество молодыхъ людей на практическое осуществленіе этого, отрицающаго жизнь, ученія. Тутъ въ высшей степени ясно видно, какъ эпидеміи самоубійствъ возникаютъ вслѣдствіе массоваго внушенія.

Въ большой колоніи эллинической культуры, въ императорскомъ Римѣ, право свободнаго выбора смерти стано-

вится стоической догмой въ вопросахъ міровоззрѣнія, въ политикѣ республиканской оппозиціи.

Катонъ Утическій, непримиримый противникъ диктатора Цезаря, не пожелавшій пережить паденія республики, становится святымъ и мученикомъ, за которымъ община идетъ на смерть. Но кромѣ того, нѣкоторыя фамиліи имѣли еще собственную традицію самоубійствъ, и, напримѣръ, нѣкая Фаннія убила себя, потому что мать и бабка ея, обѣ Арріи, умерли добровольно (тамъ-же, стр. 104,1).

Если взглянемъ теперь на новѣйшіе періоды исторіи духа и нравовъ, то знаменитая *Елизавета Шарлотта*, проницательная и безпристрастная наблюдательница времени Людовика XIV, уже въ 1696 году сообщаетъ въ письмѣ къ ганноверской куфюрстинѣ Софьѣ: „У англичанъ совсѣмъ обыкновенное дѣло, что они сами себя убиваютъ“ (тамъ-же, стр. 80, прим. 3), причемъ нельзя найти никакой побудительной причины къ этому (Esprit des lois XIV, 12, по *Hirzel*'у, стр. 80, 3), можемъ мы добавить на основаніи Монтескье. Отсутствіе индивидуальныхъ мотивовъ—служитъ вѣрнымъ указаніемъ на вліяніе массоваго внушенія. Такое вліяніе могли имѣть уже меланхолическія размышленія Гамлета о бытіи и небытіи. Къ тому-же въ 1668 г. появилась Βιοθάνατος, изданная въ Лондонѣ книга въ защиту самоубійства, авторомъ которой былъ, какъ это ни удивительно, священникъ церкви св. Павла.

Насколько съ распространеніемъ англійской образованности утвердилось также презрѣніе англичанъ къ жизни, можно видѣть опять-таки изъ писемъ *Елизаветы Шарлотты*. Въ 1718 году она пишетъ графинѣ Луизѣ: „Такъ нѣмцы перенимаютъ англійскія манеры лишать самихъ себя жизни, это они могли бы оставить“. [Тамъ-же, стр. 80, 3], а въ 1722 году она сообщаетъ von-Harling'у, „Большая мода теперь въ Парижѣ на то, чтобы лишать себя жизни“

[стр. 83, 4]. Въ Германіи эпидемія самоубійствъ достигаетъ своей высшей точки лишь въ XVIII столѣтіи. На этотъ разъ роль Πεισιθάνατος, проповѣдника смерти, сыгралъ не философъ, а величайшій поэтъ, молодой Гете, невольно, разумѣется. За „многооплакиваемой тѣнью“ его Вертера сошли въ могилу многіе „также меланхолически настроенные“ юноши. А за кѣмъ послѣдовалъ Вертеръ? Поэтъ отвѣчаетъ на это, помѣщая на письменномъ столѣ этого самоубійцы Эмилію Галотти [тамъ-же, стр. 101, 5]. А первообразъ Вертера, —прославившійся своимъ самоубійствомъ Jerusalem? Тотъ, навѣрное, не случайно и въ жизни былъ подражателемъ англичанъ [тамъ-же, стр. 81, 3]. Добровольная кончина его произвела тѣмъ болѣе глубокое впечатлѣніе на дружившаго съ нимъ Гете, что онъ самъ былъ уже опасно близокъ къ мысли о самоубійствѣ. И онъ тоже былъ тогда во власти великаго прообраза. То былъ римскій императоръ Оттонъ, заколовшій себя потому, что побѣжденъ былъ Вителліемъ въ борьбѣ за престолъ [тамъ-же, стр. 103]. Такъ самоубійства съ древнихъ временъ и до нашего—объединяются на нашихъ глазахъ въ одну цѣпь, въ которой одно звено влечетъ за собой всѣ послѣдующія, и сила, сковывающая ихъ, называется внушеніемъ.

Избѣгнуть его индивидуумъ тѣмъ менѣе въ состояніи, чѣмъ меньшей устойчивостью отличается его психическая организація. Поэтому ребенокъ долженъ больше взрослаго поддаваться внушенію, какъ въ отношеніи самоубійства, такъ и во всемъ прочемъ. Въ дѣйствительности, вліяніе внушенія сказывается во многихъ дѣтскихъ самоубійствахъ съ ужасающей ясностью. Упомянемъ лишь о двухъ особенно характерныхъ случаяхъ, отмѣченныхъ въ изслѣдованіи *Baer*'а: „Der Selbstmord im Kindesalter“.

Одинъ 14-лѣтній мальчикъ, разсказываетъ *Voisin*, повѣсился, нарисовавъ раньше на противоположной стѣнѣ

три креста и поставивъ у ногъ своихъ освященную воду. Точно такимъ-же образомъ повѣсился за четыре недѣли до того его дядя, любившій выпивать. На похоронахъ одного мальчика, повѣсившагося по неизвѣстной причинѣ—такъ разсказываетъ *Durand*—одинъ мальчикъ-хористъ, слѣдовавшій за гробомъ, сказалъ своимъ товарищамъ, что желаетъ тоже повѣситься и черезъ четыре дня привелъ свое намѣреніе въ исполненіе.

Понятно, съ суггестивнымъ вліяніемъ такихъ самоубійствъ, переживаемыхъ ребенкомъ въ ближайшей средѣ своей, можно лишь съ трудомъ бороться. Къ счастью, случаи, когда ребенокъ попадаетъ во власть такого рода впечатлѣній, бываютъ рѣдки.

Все-же въ наше время почти каждый ребенокъ читаетъ газету или можетъ слушать, когда читаютъ ее или обсуждаютъ содержаніе ея. Такимъ путемъ онъ снова и снова узнаетъ о самоубійствахъ его сверстниковъ. И если-бъ еще господа изъ прессы желали ограничиваться краткими сообщеніями! Но тутъ старательно обрисовываются всѣ ближайшія обстоятельства дѣла и неосторожно разогрѣвается жалость къ несчастной жертвѣ. По мѣрѣ продолжающагося изо дня въ день обсужденія, самоубійца превращается въ невинно убіеннаго, убійцы энергично разыскиваются, и вскорѣ ихъ находятъ. Это злые учителя. Ихъ безсердечная жестокость убила жизнерадостнаго мальчика. Онъ умеръ мученникомъ за свободу школы.

Ничего больше я къ своей защитѣ школы въ дѣлѣ самоубійствъ учащихся добавить не могу. Мои многоуважаемые противники! Вотъ прокурорское мѣсто. Честь вамъ и мѣсто!

Prof. FREUD.

Господа! Всѣ вы съ высокимъ удовлетвореніемъ выслушали защитительную рѣчь педагога, не желающаго оставить дорогое ему учрежденіе безъ оправданія тяготѣющихъ надъ нимъ обвиненій. Знаю, однако, что и безъ того вы не склонны были сразу повѣрить обвиненію, будто школа толкаетъ своихъ учащихся на самоубійство. Однако-жъ, не дадимъ далеко увлечь себя симпатіями къ сторонѣ, по отношенію къ которой совершена была несправедливость. Не всѣ доводы предыдущаго оратора кажутся мнѣ основательными. Если юношескія самоубійства поражаютъ не однихъ учащихся въ средней школѣ, но и ремесленныхъ учениковъ и пр., то это не снимаетъ еще отвѣтственности со школы; это наталкиваетъ лишь на предположеніе, что средняя школа не избавляетъ своихъ питомцевъ отъ тѣхъ потрясеній и ударовъ, которые другіе юноши переживаютъ при другихъ жизненныхъ условіяхъ. Но средняя школа должна давать нѣчто бо́льшее; она не только не должна толкать молодыхъ людей на самоубійство—она должна внушать имъ любовь къ жизни, служить имъ опорой и поддержкой въ такой періодъ жизни, когда они, по условіямъ своего развитія, вынуждены ослабить связь свою съ родительскимъ домомъ и семьей. Мнѣ кажется неоспоримымъ, что она этого не дѣлаетъ, что она во многихъ отношеніяхъ не справляется со своей задачей — служить замѣной семьи и возбуждать интересъ къ жизни внѣшняго міра. Здѣсь не мѣсто критикѣ средней школы и современ-

наго состоянія ея. На одинъ моментъ, пожалуй, можно указать. Школа никогда не должна забывать, что она имѣетъ дѣло съ незрѣлыми индивидуумами, которымъ нельзя отказать въ правѣ на снисхожденіе вслѣдствіе неизбѣжныхъ въ этомъ возрастѣ, въ періодѣ развитія, слабостей и недостатковъ характера. Она не должна предъявлять къ своимъ воспитанникамъ требованія со всей неумолимостью дѣйствительности, она не должна желать быть чѣмъ-нибудь большимъ, чѣмъ „игра въ жизнь“.

Dr. med. J. SADGER.

Въ рѣчи нашего докладчика можно, по моему, различить два пункта: болѣе общій, гдѣ онъ убѣдительнѣйшимъ образомъ доказываетъ негодность всѣхъ примѣненныхъ до сихъ поръ методовъ изслѣдованія, особенно статистическаго, затѣмъ болѣе личную часть, гдѣ онъ тепло и съ подъемомъ принимаетъ подъ свою энергичную защиту школьныхъ учителей.

Справедливо указано имъ, что всѣ авторы, даже врачи, рѣшительно проходятъ мимо сущности вопроса, что они довѣрчиво и безъ критики повторяютъ ничтожнѣйшіе и самые поверхностные мотивы, вообще незаботясь о главныхъ рѣшающихъ причинахъ. А рѣшающимъ, какъ столь часто бываетъ, является здѣсь эротическій моментъ. Особенно я былъ озадаченъ, услышавъ, что ученые врачи считаютъ возможнымъ довольствоваться, безъ дальнѣйшей спецификаціи, мотивами вродѣ „страсти“, „горя“ и „гнѣва“, а *Baer*'у, напримѣръ, приводящему рядъ различныхъ статистическихъ графъ, въ одной лишь, и то всего въ пяти случаяхъ, удалось открыть любовь, какъ причину самоубійства учащихся. Методъ столь поверхностный и ненаучный, что является искушеніе и тутъ винить во всемъ извѣстное отвращеніе, питаемое всѣми къ эротической этіологіи. Для выясненія любовныхъ мотивовъ, необходимо, вѣдь, настойчиво ихъ доискиваться, иначе никогда не удастся вывести ихъ на свѣтъ. Не потому, чтобы ихъ не было, а потому, что каждый

спрашиваемый тщательно скрываетъ ихъ, тѣмъ болѣе, что и сами спрашивающіе, въ сущности, не желали бы ихъ видѣть.

Это напоминаетъ примѣръ изъ медицинской практики. Недалеко еще время, когда при размягченіи мозга и сухоткѣ спинного мозга отнюдь не желали признавать сифилисъ единственной причиной, а приписывали это всевозможнымъ инымъ факторамъ. Лишь послѣ того, какъ извѣстные авторитеты начали постоянно указывать на зараженіе луэсомъ, какъ на основную причину — скептики все чаще стали открывать этотъ источникъ. Теперь и вопросъ сталъ формулироваться иначе, и результаты получаются гораздо болѣе надежные. Раньше, когда врачъ неувѣренно, самъ приходя въ нѣкоторое замѣшательство, спрашивалъ: „простите за откровенность, не заразились-ли вы какъ-нибудь?“—больной въ большинствѣ случаевъ отвѣчалъ, разумѣется, „нѣтъ!“ Позже спрашивали спокойно и опредѣленно: *„когда* вы получили инфекцію?“ и получали обыкновенно правдивый отвѣтъ.

О своихъ любовныхъ похожденіяхъ обыкновенно при здравомъ разсудкѣ не говорятъ открыто. Этого надо допытываться, настойчиво допытываться, врачъ долженъ проникнуть въ душу человѣчески-теплымъ участіемъ, если не желаетъ быть постоянно обманываемымъ. Ни о чемъ, вѣдь, люди не лгутъ такъ часто и упорно, какъ о проявленіяхъ своего полового инстинкта. Лишь тотъ, кто съ дѣтства привыкъ быть правдивымъ и обладаетъ твердымъ характеромъ, безъ принужденія скажетъ правду. Обыкновенно мы открываемся тому, кто даритъ насъ явною любовью. Не можетъ, вѣдь, никто жить безъ любви и меньше всего, въ періодѣ возмужалости...

Если обратимся теперь къ обычно указываемымъ причинамъ самоубійствъ учащихся, то я, раньше всего, не считаюсь съ тѣми, которыя недостаточно изслѣдованы. Кто лучше разберется въ такихъ общихъ понятіяхъ, какъ „страсть“ и „горе“, тотъ очень часто найдетъ, что дѣло касается го-

раздо меньше банальнаго горя и повседневныхъ страстей, чѣмъ любовныхъ горестей, любовныхъ ощущеній и недостаточной нѣжности окружающихъ. То-же можно сказать о неизвѣстныхъ мотивахъ.

Теперь разсмотримъ нѣкоторыя изъ болѣе серьезныхъ причинъ: значительная наслѣдственная отягощенность, даже психическая болѣзнь, манія самоубійства въ отдѣльныхъ семьяхъ, наконецъ, самоубійство изъ подражанія и по внушенію.

Мы знаемъ, что въ дѣйствительности изъ главныхъ признаковъ серьезной отягощенности, — хроническая меланхолія наступаетъ ко времени возмужалости. Однако-жъ, мои психонализы неизмѣнно доказывали, что эта зависимость хоть и имѣется, но ею отнюдь не исчерпываются всѣ причины. Недавно, напримѣръ, я описалъ одинъ случай; объектъ— 32-лѣтній мужчина изъ тяжело обремененной наслѣдственностью семьи. Между прочимъ, онъ страдалъ повторными припадками самой глубокой меланхоліи, приводившими его къ мысли о самоубійствѣ. Но психоанализомъ удалось доказать, что каждый въ отдѣльности приступъ меланхоліи объяснялся любовными причинами. Это вѣрно не только для описаннаго только что случая, но, какъ часто показываетъ мнѣ опытъ, должно быть принято за правило. По крайней мѣрѣ, во всѣхъ случаяхъ, которые мнѣ привелось анализировать, я всегда могъ на ряду съ конституціональнымъ факторомъ, котораго нельзя отрицать, какъ conditio sine qua non, указать любовные мотивы, по крайней мѣрѣ, какъ непосредственно ближайшіе.

Не иначе обстоитъ дѣло и съ фамильнымъ самоубійствомъ, какъ и съ самоубійствомъ вслѣдствіе внушенія и подражанія. И тутъ всегда оказывается на лицо врожденная малоцѣнность, конституціональный факторъ. Разсказываютъ напр., что въ одной семьѣ отецъ въ извѣстномъ возрастѣ застрѣлился. Впослѣдствіи подрастаютъ его сыновья, и въ

тотъ-же періодъ жизни прибѣгаютъ къ тому-же оружію. Но мнѣ кажется, что тутъ примѣшался и второй моментъ, имѣющій ничуть не меньшее значеніе: именно, отождествленіе себя съ отцомъ, либо, какъ часто бываетъ, изъ большой любви, либо по тѣмъ-же самымъ этіологическимъ даннымъ, съ которыми еще позже столкнемся при разсмотрѣніи ученическихъ самоубійствъ. Основной причиной, однако-жъ, все таки остается любовь или неудовлетворенная потребность въ ней. Даже психозы представляютъ блестящій примѣръ для этого. И душевно-больной не прибѣгаетъ къ самоубійству безъ субъективныхъ, для него принудительныхъ причинъ, которыя мы, разумѣется, лишь изрѣдка разгадываемъ. Не даромъ психозъ самоубійства κατ᾽ ἐξοχήν, меланхолія,—старческая болѣзнь, т. е. болѣзнь людей, которые сами замѣчаютъ уменьшеніе своей жизнеспособности и не могутъ также надѣяться на любовь со стороны другихъ. Если такіе меланхолики и при большихъ денежныхъ богатствахъ обыкновенно жалуются, что они обѣднѣли, то мы теперь знаемъ, что правы *они,* а не здоровые, совершенно не понимающіе ихъ въ своемъ неразумномъ высокомѣріи. Ибо не деньгами обѣднѣли тѣ, а любовью. И тутъ я желалъ бы на основаніи своего опыта установить правило: *отъ жизни отказывается тотъ, кто принужденъ былъ отказаться отъ надежды на любовь.*

Не надо лишь упускать никогда изъ виду, что наряду съ любовью къ лицамъ другого пола, которую обыкновенно подразумѣваютъ подъ этимъ словомъ, бываетъ еще иная любовь, любовь къ лицамъ собственнаго пола, которая въ извѣстные періоды нашей жизни и часто у всякаго, даже самаго нормальнаго человѣка, проявляется сильнѣе гетеросексуальной. Во избѣжаніе всякихъ ошибокъ, добавлю тутъ-же, что должно строго различать между любовью къ лицамъ своего пола и плотскими гомосексуальными актами. Первое — свойственно

всѣмъ людямъ, послѣднія-же—представляютъ собой исключеніе и, какъ длительное явленіе, свойственны лишь развратникамъ. Но любовь къ лицамъ своего пола лежитъ въ основаніи всякой настоящей, связывающей на всю жизнь дружбы, всякой прочной симпатіи и въ этой наиболѣе чистой возвышенной формѣ она играетъ огромнѣйшую роль въ повседневной жизни, при отсутствіи даже малѣйшаго желанія къ гомосексуальнымъ актамъ. Люди съ такими чувствованіями даже находятъ свое истинное счастье въ бракѣ.

Обратимся теперь къ спеціальной темѣ нашего доклада, къ ученическимъ самоубійствамъ, огромное большинство которыхъ происходитъ въ періодѣ возмужанія. Чѣмъ характеризуется эта пора жизни? Раньше всего, безмѣрной жаждой любви, однако-же къ другому полу лишь позже, чѣмъ къ своему. Пунктъ, который почти всѣми безъ исключенія совершенно игнорируется. Если добавить къ тому, что въ эти годы уясненіе сексуальныхъ процессовъ совершается обыкновенно со всѣмъ тѣмъ бурнымъ подъемомъ чувствъ, какое оно вызываетъ во всякомъ человѣкѣ, то передъ нами будутъ уже всѣ самыя глубокія причины огромнаго большинства самоубійствъ учащихся. Непосредственно за такимъ уясненіемъ, большинствомъ овладѣваетъ страшный испугъ. Большинство, чувствуетъ себя обманутымъ, обманутымъ въ самыхъ святыхъ своихъ чаяніяхъ. Съ того момента, какъ они это узнаютъ, прекращается вся былая откровенность съ родными, привычныя бесѣды даже о самыхъ обычныхъ вещахъ. Съ тѣхъ поръ, какъ у дѣтей раскрываются глаза, отчужденіе между ними и родителями растетъ съ каждымъ днемъ *). Но потребность любви слишкомъ сильна, чтобъ заглохнуть; поэтому все чаще, вопреки всей враждебности и даже чувству ненависти, прорываются приливы нѣжности. Тогда ре-

*) Стоитъ вспомнить только „Пробужденіе Весны"—Ф. Ведекинда.
Прим. редакціи.

бенокъ старается иногда вновь сблизиться, съ кѣмъ нибудь изъ родителей, можетъ быть, подъ предлогомъ, что чувствуетъ себя очень несчастнымъ, что будущее представляется ему въ мрачныхъ краскахъ и т. д. Но къ сожалѣнію, лишь весьма немногіе родители отличаются достаточнымъ психологическимъ пониманіемъ такихъ порывовъ. Они принимаютъ слова дѣтей въ ихъ буквальномъ смыслѣ, вмѣсто того, чтобы искать за ними кое-что болѣе глубокое. Поэтому они стараются разбить эти общія мѣста здравыми доводами и даже чувствуютъ, вѣроятно, свое превосходство въ томъ, что столь „разумно" утѣшаютъ свое дитя. То, что они тутъ говорили просто не къ дѣлу, что они совсѣмъ не поняли близкаго имъ существа, не пошли навстрѣчу его жаждѣ любви—это, по моимъ наблюденіямъ, не приходитъ имъ въ голову. А затѣмъ они крайне удивляются, когда дѣти, которыхъ они постоянно такъ любили и лелѣяли, становятся имъ чужды душой! О, эти разумные дурни! Тамъ, гдѣ, по выраженію *Jung*'а, „значеніе отца для судьбы одинокаго" дѣйствительно было-бы плодотворно, тамъ отцы почти всегда оказывается совершенно несостоятельнымъ.

Послѣ этого ужаснаго психическаго крушенія мальчикъ ищетъ другого объекта для удовлетворенія своей потребности въ любви. Самымъ близкимъ является для него обычный ужъ съ народной школы замѣститель отца: преподаватель средней школы. Но тутъ его ждетъ еще бо́льшее разочарованіе. Вѣдь, преобладающая масса этихъ преподавателей еще меньше понимаетъ душу ребенка, чѣмъ учитель элементарныхъ классовъ. Послѣдній прекрасно знаетъ, если онъ проницателенъ, что у всякаго ребенка есть потребность въ экзальтировано-мечтательной любви. Онъ, дѣйствительно, бѣжитъ, краснѣя, по стопамъ учителя или учительницъ, весьма счастливый, когда ему разрѣшаютъ понести на домъ тетрадь, либо принести

учебныя пособія, всегда стараясь проявить чѣмъ-нибудь свою любовь, напримѣръ, какими нибудь подарками, часто самаго смѣхотворнаго характера, однимъ словомъ, ведетъ себя, какъ влюбленный. Истинный учитель прекрасно знаетъ, что ребенокъ лишь тогда обнаруживаетъ передъ нимъ все, что есть въ немъ лучшаго, и ревностно учится, когда онъ раньше пріобрѣтетъ симпатіи ребенка. Но наши преподаватели средней школы—и этимъ они, дѣйствительно, виноваты въ самоубійствахъ учащихся—гораздо худшіе психологи, хотя могутъ, конечно, оправдываться тѣмъ, что душа подростковъ менѣе прозрачна, чѣмъ дѣтская. Въ лучшемъ случаѣ, они довольствуются тѣмъ, что отдаютъ то, что есть *въ нихъ* лучшаго, вмѣсто того, чтобы своей любовью вызвать наружу то, что есть въ дѣтяхъ лучшаго. Я знаю изъ собственнаго опыта, неоднократно провѣреннаго также у многихъ другихъ, что хорошо учатся, лишь у того преподавателя, къ которому чувствуютъ симпатію; между тѣмъ, какъ лично антипатичный учитель, т. е. такой, къ которому не установилось сердечнаго отношенія, часто можетъ вселить отвращеніе и къ интересному предмету. Дѣти очень чутки къ каждому проявленію теплаго чувства, и когда они оправдываютъ свою лѣнь жестокостью учителей, они правы. Не потому, что къ нимъ несправедливо относятся, а потому, что отказываютъ имъ въ той любви, безъ которой дѣти не могутъ проявить своихъ способностей. „Учитель преслѣдуетъ меня“—значитъ правильнѣе и вѣрнѣе: „онъ меня не любитъ, какъ же мнѣ ему угодить?“. Къ тому-же бываетъ, что тяжелыя сексуальныя страданія, вызываемыя въ мальчикѣ переходнымъ періодомъ возмужалости, поглощаютъ всякіе иные интересы, такъ что для ученія, не остается ни времени, ни охоты. Каждому учителю средней школы знакомо явленіе, когда многіе мальчики вдругъ перестаютъ заниматься и съ трудомъ тянутся за дру-

гими. Лучшіе ученики, напр., могутъ превратиться въ такихъ, которыхъ приходится переводить изъ милости. О томъ, что причину этого должно искать въ глубокихъ эротическихъ конфликтахъ, наши преподаватели угадываютъ исключительно рѣдко. Я не отрицаю и могу даже самъ назвать прирожденныхъ педагоговъ, умѣющихъ поговорить съ такимъ ребенкомъ по душѣ и, дѣйствительно умѣющихъ достигнуть отраднаго превращенія тѣмъ, что дарятъ ему сердце, полное любви. Но, къ сожалѣнію, это рѣдкія исключенія, *одинъ* случай изъ тысячи. Обыкновенно мальчикъ нигдѣ не встрѣчаетъ ни пониманія, ни теплаго сочувствія. Когда-же, обманутый повсюду въ своей жаждѣ любви, онъ вынужденъ отказаться и отъ благосклонности преподавателя, то это нерѣдко служитъ послѣднимъ толчкомъ къ полному отчаянію. Отсюда до самоубійства по какой-нибудь внѣшней причинѣ лишь одинъ шагъ. Дурной аттестатъ, грозящій провалъ, совершенныя раньше глупости, подражаніе самоубійцѣ, съ которымъ связываетъ общій этіологическій признакъ, напр., тайный порокъ, вслѣдствіе котораго тотъ убилъ себя,—все это въ лучшемъ случаѣ—толчокъ, побужденіе. Рѣшающей-же и преобладающей является только, не встрѣтившая взаимности, любовь! Ибо, я снова долженъ повторить: отъ жизни отказывается лишь *тотъ* юноша, кому пришлось отказаться отъ надежды на любовь. Тутъ благотворно было-бы вмѣшательство учителей, которымъ раньше, разумѣется, самимъ надо было-бы прозрѣть. Если-бъ наши преподаватели, понимая лучше душу ребенка, стали любвеобильнѣе, тогда приходилось-бы гораздо рѣже жаловаться и на самоубійства учащихся!

Dr. Wilhelm STEKEl.

Наша дискуссія показала, какъ различны взгляды на самоубійство.

Нѣтъ недостатка въ философахъ и поэтахъ, видящихъ въ самоубійствѣ великую, прямо возвышенную идею. Поетъ-же эстетъ *Friedrich Theodor Vischer* богатый мыслями, гордо звучащій гимнъ, „первому самоубійцѣ", начинающійся стихами*):

„Dich möcht, ich kennen, stolzer Göttersohn,
Der du zuerst im ungeheuren Schmerz,
Dem ew'gen Fluch, der blassen Furcht zum Hohn
Den stahl gezücket auf das eig'ne Herz;
Der du zuerst geboren und erfasst
Den Wutgedanken, den kein Mensch noch trug;
Von dir zu schleudern dieses Lebens Last,
Den Blitz, der noch in keine Seele schlug".

Другіе говорятъ о „послѣдовательномъ" самоубійствѣ. Мы знаемъ, вѣдь, разсказы о томъ, что индивидуумъ, какъ это бывало часто въ классической древности, „въ конечномъ выводѣ изъ суммы познаній, какъ результатъ итога долгой,

---

*) „Тебя желалъ бы знать я, гордый сынъ боговъ,
Кто первый въ скорби безпредѣльной,
Проклятью вѣчному и страху блѣдному въ насмѣшку
Направилъ сталь въ свое же сердце;
Кому пришла впервые средь рожденныхъ
Мысль яростная, невѣдомая прежде—
Швырнуть съ себя сей жизни бремя,
Та молнія, что ни одной еще души не зажигала"

богатой содержаніемъ жизни, безъ аффекта, безъ внѣшняго принужденія идетъ на смерть, когда ничего не можетъ ждать отъ міра и ничего не можетъ ему дать“,—родъ самоубійства, который г-жа dr *Stelzner* (Analyse von 200 Selbstmordfällen; Берлинъ 1906. S. Karger) называетъ „философскимъ самоубійствомъ“. Хотѣли-же представить такимъ философскимъ самоубійствомъ—самоубійство молодого *Вейнингера.*

Я не вѣрю въ „самоубійство“, какъ добровольную, гордую, спасительную кончину здороваго человѣка. Я не вѣрю въ философское самоубійство. Кто знаетъ, что произошло за кулисами? Какая *внутренняя* трагедія, рационализированная такимъ образомъ въ міровую скорбь, нашла такимъ путемъ свой внезапный конецъ?

Но если-бъ и были такіе философы-самоубійцы, мы теперь не станемъ о нихъ говорить. Тоже—о самоубійствахъ тѣхъ несчастныхъ, которымъ не осталось иного выхода изъ лабиринта скорби и печали, конфликтовъ и обидъ, какъ бѣгство изъ жизни. Мы разсмотримъ здѣсь замѣчательное явленіе, привлекшее уже вниманіе многихъ психологовъ, именно, размножающіяся самоубійства молодыхъ людей, полувзрослыхъ, полу-дѣтей, которые вдругъ, неожиданно, вслѣдствіе ничтожной, видимо, причины прерываютъ свою жизнь къ крайнему ужасу окружающихъ. Какъ показываетъ статистика, наибольшее число психически здоровыхъ, повидимому, самоубійцъ, приходится на возрастъ отъ 15-ти до 25-ти лѣтъ.

Въ чемъ могла-бы быть причина этого явленія, что самоубійства молодыхъ людей даютъ такой ужасающій приростъ? Самоубійства въ дѣтскомъ возрастѣ, явленіе раньше почти неизвѣстное, также возрастаютъ изъ года въ годъ со страшнымъ постоянствомъ. Идетъ-ли во всѣхъ этихъ случаяхъ рѣчь о здоровыхъ людяхъ съ сильными аффектами, склонныхъ переоцѣнивать важность момента, или правы тѣ

авторы, которые видятъ въ каждомъ самоубійствѣ проявленіе ненормальнаго психическаго предрасположенія, психоза, который до сихъ поръ проходилъ незамѣтно и не проявлялъ никакихъ симптомовъ? Или самоубійство лишь симптомъ невроза, „dissociation mentale“? *Lemaitre* склоняется къ послѣднему взгляду. (A propos des suicides des jeunes gens; Archives de Psychologie T. IV, Nr. 15). Случайно онъ имѣлъ возможность изслѣдовать четырехъ лицъ, покончившихъ затѣмъ самоубійствомъ, и замѣтилъ у нихъ извѣстныя психическія ненормальности. Первый былъ истериченъ, второй страдалъ различными разстройствами памяти, а третій проявлялъ audition coloré. Четвертаго онъ также склоненъ былъ назвать психически-ненормальнымъ.

Но въ такихъ именно случаяхъ видно, какъ трудно провести границу между здоровьемъ и болѣзнью. Если каждаго человѣка, представляющаго какую-либо ненормальность, считать психически-ненормальнымъ, то между образованными людьми едва-ли можно было-бъ найти здороваго. Ибо всѣ мы носимъ въ себѣ скрытые зачатки невроза (или скорѣе еще, можетъ быть, зачатки психоза). Всѣ мы, въ извѣстномъ смыслѣ, нервно- и психически-больные. Нѣтъ, собственно, канона для душевнаго здоровья нормальныхъ людей.

Но что-же показываютъ эти изслѣдованія *Lemaitre*'а *Eulenburg*'а, *Gaupp*'а, *Baer*'а и др., если они столь мало могутъ разсказать намъ о психической жизни самоубійцъ? Лишь психоанализъ можетъ выяснить намъ скрытые мотивы самоубійства. Констатированіе, что самоубійца X. былъ невротикомъ, ничего намъ не даетъ.

Нѣтъ, я думаю, было-бъ слишкомъ дешевой отговоркой, если-бы мы, для очистки своей совѣсти, просто заявляли, что при всѣхъ самоубійствахъ имѣемъ, молъ, дѣло съ больными, психически-малоцѣнными людьми, въ которыхъ, все равно не много потеряно. Корни этого явленія должны ле-

жать глубже, должны, въ частности, находиться въ условіяхъ нашего времени. Что есть общаго во всѣхъ случаяхъ? *Stelzner* говоритъ: „Какъ-бы ни трудиться надъ классификаціей самоубійствъ, раздѣляя ихъ напримѣръ, на самоубійства психически здоровыхъ и психически-больныхъ людей, по роду психозовъ или конечныхъ причинъ—единственнымъ исключеніемъ остается одинъ общій для всѣхъ формъ признакъ: ослабленіе всѣхъ психическихъ способностей, невозможность представить себѣ—съ помощью-ли воли, разсудка или фантазіи—выхода изъ несноснаго состоянія или перемѣны его, и съ помощью мысли о выходѣ уйти изъ подъ власти назойливаго призрака самоубійства. Рѣшающую роль играетъ не только переоцѣнка послѣдняго, но раньше всего, отсутствіе противоположныхъ представленій, представленій о благополучномъ исходѣ. Въ этомъ, можетъ быть, смыслѣ Гете въ одномъ разговорѣ на эту тему вкладываетъ въ уста Вертера слова: „природа не находитъ исхода изъ лабиринта спутанныхъ, противоположныхъ силъ, и человѣкъ долженъ умереть“.

Но почему природа не находитъ исхода? Какая таинственная сила разбиваетъ всѣ мысли о надеждѣ, закрываетъ всѣ выходы и виды? И какъ-разъ у молодыхъ людей, у которыхъ еще вся жизнь *впереди?* Откуда эта безпросвѣтность у дѣтей?

Мы не можемъ приблизиться къ пониманію дѣтскихъ самоубійствъ, не ознакомившись съ психологіей самоубійствъ у взрослыхъ. Правда, въ отношеніи дѣтей являются нѣкоторыя иныя точки зрѣнія. Но лишь нѣкоторыя. Крупныя, основныя черты остаются въ обѣихъ формахъ самоубійства тѣ-же. Дѣти легче рѣшаются на самоубійство. Склонность ихъ къ аффектамъ, въ связи со свойственной этому возрасту переоцѣнкой аффектовъ, является причиной, почему въ равныхъ условіяхъ мысль о самоубійствѣ легче приводится въ исполненіе дѣтьми. Поводы къ самоубійству часто до смѣш-

ного ничтожны. Именно это, кажется мнѣ доказательствомъ, что за конечными моментами мы должны искать болѣе могущественныя силы, которыя остаются неизвѣстными при поверхностномъ изслѣдованіи, но болѣе или менѣе явственно раскрываются психоаналитику.

Долгое время просто считалось хорошимъ тономъ образованнаго европейца нападать на школу и на нее возлагать отвѣтственность за самоубійство учащихся. Тѣ случаи, которые мнѣ привелось анализировать, показали мнѣ, что школа является лишь конечнымъ моментомъ. Страхъ передъ наказаніемъ, дурное обращеніе учителя, недостаточная успѣшность въ школѣ, несомнѣнно—и я хотѣлъ особенно энергично подчеркнуть это—не *единственная* причина самоубійства.

По отношенію къ самоубійству дѣтей вѣрно то же самое, что и по отношенію къ самоубійству взрослыхъ: это кара, приведенная въ исполненіе ушедшимъ отъ жизни надъ самимъ собой. Принципъ *возмездія*, по моему, играетъ здѣсь главную роль. *Никогда не убиваетъ себя самаго тотъ, кто не хотѣлъ бы убить другого, или, по крайней мѣрѣ, не желалъ бы другому смерти!**) Мы, психоаналитики, знаемъ, какъ сильно эта игра съ мыслью о смерти, распространяющаяся какъ на самыхъ близкихъ,

---

*) Прекрасно нарисовалъ этотъ психологическій процессъ геніальный психологъ Левъ Толстой въ своемъ разсказѣ „Дьяволъ". Мучимый преступной страстью Иртеньевъ рѣшается убить Степаниду или свою жену: „Нельзя. Только два выхода: жену убить или ее. Да еще.... „Ахъ, да, третій есть: себя"—сказалъ онъ тихо вслухъ, и вдругъ морозъ пробѣжалъ у него по кожѣ. „Да, себя, тогда не нужно ихъ убивать". Ему стало страшно именно потому, что онъ чувствовалъ, что только этотъ выходъ возможенъ. „Револьверъ есть".

Интересно, что Толстой считаетъ такой выходъ этическимъ и нормальнымъ. „И дѣйствительно"—говоритъ онъ въ заключеніи разсказа—„если Евгеній Иртеньевъ былъ душевно-больной, то всѣ люди такіе-же душевно-больные; самые-же душевно-больные это, несомнѣнно, тѣ, которые въ другихъ людяхъ видятъ признаки сумашествія, которыхъ въ себѣ не видятъ.

Прим. редакціи.

такъ и на менѣе близкихъ, способствуетъ появленію неврозовъ. Мы наблюдаемъ почти ежедневно, какъ глубокое сознаніе больнымъ своей вины, преступныя склонности его бурно требуютъ отъ него возмездія, и всегда можемъ установить, что на ряду съ удовлетвореніемъ, которое доставляетъ больному неврозъ,—удовлетвореніемъ, выражающимся въ стремленіи убѣжать въ болѣзнь—онъ является также наказаніемъ, къ которому невротикъ приговорилъ себя за свои грѣховныя желанія и фантазіи

Въ дѣтской фантазіи, мечтахъ и снахъ смерть играетъ большую роль, чѣмъ у взрослыхъ. Фразы вродѣ: „когда папа умретъ, я женюсь на мамѣ!“ или—„дядя, если ты умрешь, я возьму себѣ твою палку съ серебрянымъ набалдашникомъ“ и т. п.—самое обычное явленіе. Вспомнимъ также, что налагаемыя на дѣтей наказанія вызываютъ въ нихъ ненависть и чувство мести, отъ которыхъ нельзя отдѣлаться, которыя ищутъ выхода. Эти, полныя ненависти и мести, мысли довольно часто выливаются въ пожеланія смерти, проявляющіяся вначалѣ открыто, а позднѣе тайкомъ и скрытно. Что дѣти желаютъ ненавистному учителю смерти—это обычное явленіе; по меньшей мѣрѣ, они призываютъ на него болѣзнь. И какъ часто за грозной фигурой *учителя* скрывается гораздо болѣе важная для жизни фигура — отца. Когда-же въ качествѣ задерживающаго и отягчающаго начала вступаютъ въ дѣйствіе религіозныя силы, о значеніи которыхъ мы сейчасъ поговоримъ, то душевный конфликтъ готовъ. Таинственный судъ безсознательнаго совершается по принципу возмездія: „глазъ—за глазъ, зубъ—за зубъ“. Ребенокъ признаетъ себя виновнымъ въ желаніи смерти другого и приговариваетъ себя къ смерти. Такимъ образомъ, самоубійство является приговоромъ запутаннаго эндопсихическаго процесса, послѣдней сценой послѣдняго акта медленно развертывавшейся душевной драмы.

Но такъ просто психическія явленія не детерминируются. За желаніемъ наказать себя за собственные проступки кроется желаніе покарать чувствительнымъ образомъ родителей, воспитателей, учителей: „Увидишь уже, до чего довело меня твое жестокосердіе, твоя нелюбовь". Во время разныхъ болѣзней, перенесенныхъ имъ въ дѣтствѣ, онъ замѣчалъ, что родители видя жизнь ребенка въ опасности, измѣняли свое обращеніе. Дѣти хотятъ лишить родителей самаго лучшаго, самаго цѣннаго, что у нихъ есть. Они увѣрены, что такимъ путемъ причинятъ своимъ родителямъ самую сильную боль. Поэтому, совершаемая надъ собой казнь есть въ то же время наказаніе мнимыхъ виновниковъ ихъ страданій.

Высказано было мнѣніе, что самоубійству способствуютъ дѣтскія представленія о тѣхъ радостяхъ, которыя ожидаютъ насъ на небѣ. Статистика говоритъ не въ пользу этого предположенія. Напротивъ! Въ романскихъ странахъ, гдѣ вѣра крѣпко заложена въ душѣ населенія, самоубійства сравнительно рѣдки. Въ то время какъ въ Германіи, напримѣръ, въ 1891—93 г.г. на одинъ милліонъ жителей приходилось ежегодно 212, во Франціи 225, въ Даніи 240 самоубійствъ, глубоко религіозная Англія даетъ лишь 87, Италія лишь 56, а Испанія, цитадель клерикализма, всего 18 самоубійствъ на одинъ милліонъ жителей. *По моимъ наблюденіямъ, глубокая, истинная религіозность можетъ скорѣе препятствовать самоубійству;* такъ и неврозъ, вѣдь, частью выростаетъ изъ конфликта между вѣрой и невѣріемъ, конфликта, сводящагося, въ сущности, къ борьбѣ между интеллектомъ и аффектомъ. Съ другой стороны, христіанство издавна старалось подавлять тенденцію къ самоубійству. Припоминается мнѣ мѣткій афоризмъ *Ницше*: *„Христіанство обратило, существовавшее ко времени его возникновенія, стремленіе къ самоубійствамъ въ рычагъ для своей мощи; оно ос-*

тавило лишь двѣ формы самоубійства, облекло ихъ въ наивысшее достоинство и наивысшія надежды, а всѣ прочіе строжайше запретило. Но мученичество и медленное самоубійство аскетовъ было дозволено“.

Это разсужденіе великаго философа приводитъ насъ ко второй проблемѣ, „хроническому самоубійству“. Подъ нимъ я разумѣю стремленіе лишить себя жизни не сразу, однимъ героическимъ актомъ, а путемъ цѣлаго ряда лишеній. Именно, эта форма у дѣтей не рѣдкость. Вспомнимъ случаи истерическаго отказа отъ пищи, доходящіе до отвращенія ко всякой пищѣ, отсутствія аппетита (имѣющіе, разумѣется, и иные корни), вспомнимъ, далѣе, о томъ легкомысліи, съ какимъ нѣкоторыя дѣти сознательно подвергаютъ себя простудѣ и зараженію, и мы должны будемъ признать, что при психологическомъ изслѣдованіи вопроса надо принять въ соображеніе и эту форму самоубійства. Въ частности, одна форма хроническаго самоубійства заслуживаетъ особаго разсмотрѣнія. Я подразумѣваю онанизмъ. Мало кому извѣстно, что въ этомъ порокѣ дѣти находятъ также кару и искупленіе, средство къ сокращенію своей жизни. Но я желалъ бы подчеркнуть, что угрозы родителей, желающихъ отучить дѣтей отъ тайнаго порока тѣмъ, что они предсказываютъ имъ, въ случаѣ продолженія его, самыя страшныя послѣдствія для жизни и здоровья, часто производятъ противоположный эффектъ: именно, для сокращенія жизни, нѣкоторыя упрямыя дѣти продолжаютъ это занятіе. Тайное удовольствіе они искупаютъ тѣмъ, что жертвуютъ, какъ они полагаютъ, частью своей жизненной силы. Запретъ и жуткая игра со смертью повышаютъ прелесть удовольствія.

Я желалъ бы еще подѣлиться замѣчательнымъ наблюденіемъ, что въ семьяхъ, гдѣ мало дѣтей, самоубійства чаще, чѣмъ тамъ, гдѣ дѣтей много. Не разъ я наблюдалъ,

что единственная дочь или единственный сынъ лишаютъ себя жизни. Это заставляетъ насъ призадуматься. Мы давно уже могли констатировать, что Ein—и Zweikindersystem должны быть приняты въ разсчетъ, когда изыскиваются причины распространенія неврозовъ. Zweikindersystem со своей чрезмѣрной нѣжностью неизбѣжно должна умножать дѣтскія самоубійства. Гдѣ мало дѣтей, тамъ честолюбіе ихъ разжигается безмѣрно. Родители ждутъ отъ ребенка исполненія всѣхъ обширныхъ плановъ, которыхъ они сами не смогли осуществить. Дитя должно быть лучшимъ въ школѣ, должно быть впереди всѣхъ, должно стать чѣмъ-нибудь великимъ, великимъ художникомъ и т. п. Пока ребенокъ можетъ услаждать себя этими честолюбивыми мечтами, онъ полонъ жизнерадостности. Но въ одинъ прекрасный день наступаетъ банкротство этихъ плановъ, воздушные замки рушатся, подросшее дитя видитъ невозможность достигнуть „великаго“, но оно не въ состояніи удовольствоваться „возможнымъ“, и такимъ образомъ, является новый мотивъ для отказа отъ жизни, лишенной исполненія затаенныхъ желаній. Именно вполнѣ воспринятая переоцѣнка родителей ведетъ къ чреватому тяжелыми послѣдствіями собственному недоцѣниванію.

Коллега *Sadger* весьма правильно замѣтилъ, что люди лишь тогда лишаютъ себя жизни, когда не могутъ уже ожидать любви. Но мысль эта нуждается еще въ пополненіи и углубленіи. Есть люди, утерявшіе смѣлость любить, лишенные радостей любви вслѣдствіе задерживающихъ, препятствующихъ представленій, императивовъ общества и родителей, и неспособные испытывать страсть безъ сознанія своей вины. Я вспоминаю теперь одну дѣвушку, полную жгучей жажды любви, всѣми инстинктами своими стремившуюся къ любовнымъ наслажденіямъ, но получившую такое сверхъ-нравственное воспитаніе, окруженную столькими запретами и препятствіями, что она въ концѣ-концовъ не увидѣла иного

исхода, какъ лишить себя жизни, Страхъ любви былъ почти столь-же великъ, какъ желаніе любви. Она была слишкомъ слаба, чтобы изжить свои сексуальные инстинкты, слишкомъ перегружена нравственностью, слишкомъ сильно обременена буржуазной безжизненной моралью. Съ другой стороны, жизнь безъ изживанія своихъ эротическихъ инстинктовъ не имѣла для нея цѣны, и она вздумала разрѣшить неразрѣшимый конфликтъ своею смертью.

Я желалъ бы здѣсь упомянуть еще объ анализѣ душевнаго состоянія одного мальчика, у котораго идеи самоубійства играли большую роль, и исторія болѣзни котораго описана мною въ моей работѣ: Zwangszustände, ihre psychischen Wurzeln und ihre Heilung (Medizinische Klinik. 1910 г. № 5—7). Позволю себѣ сообщить здѣсь одинъ эпизодъ изъ исторіи его болѣзни.

Въ своей книгѣ „Nervöse Angstzustände“ *) я указалъ на психическіе корни заиканія. Одинъ заика-мальчикъ, котораго я лечилъ въ послѣдніе годы, сообщилъ мнѣ, что онъ не заикается, когда придерживаетъ рукой носъ. Онъ прижималъ правый указательный палецъ къ носу и тотчасъ начиналъ говорить плавно и явственно. Этотъ мальчикъ упорно предавался тайному пороку. Онъ втайнѣ содрагался при мысли о томъ, что его могутъ разоблачить, могутъ узнать, что онъ одержимъ этимъ порокомъ. Отецъ его однажды велѣлъ ему въ кровати спокойно держать руки поверхъ одѣяла. Слѣдовательно, его отецъ какъ-будто опасался тайнаго порока. Что-же хотѣлъ онъ выразить этимъ символическимъ поступкомъ? Если-бъ мальчикъ держалъ руку въ карманѣ, то могъ бы предаваться пороку. Поэтому, когда онъ подносилъ руку къ носу, онъ демонстрировалъ передъ

---

*) *Urban* und *Schwarzenberg*. Вѣна и Берлинъ 1908 г.

всѣмъ свѣтомъ: смотрите-ка, я этого не дѣлаю, рука у меня, вѣдь, не въ карманѣ, она на носу. Этотъ-же мальчикъ страдалъ долгое время отъ неудержимой страсти лгать. Однажды онъ разсказалъ мнѣ длинную исторію, и я сразу замѣтилъ, что она вымышлена. Я тотчасъ спросилъ его, почему онъ меня обманываетъ? Онъ оправдывался тѣмъ, что ничего не можетъ сдѣлать противъ этого, „вдругъ что-то находитъ на него, и онъ долженъ солгать". Вчера онъ и отца-де обманулъ безъ нужды. Учитель заболѣлъ, и ихъ отпустили изъ школы. Придя домой, онъ сказалъ отцу, что ихъ отпустили, потому что надо, молъ, починить испорченную крышу. Никакого основанія для такой лжи онъ не могъ указать. Радовался-ли онъ тому, что былъ одинъ день свободенъ отъ школы? Да, очень!

„Значитъ, ты радовался собственно тому, что учитель заболѣлъ, вмѣсто того, чтобы пожалѣть какъ подобаетъ хорошему ученику?".

Онъ это подтвердилъ; онъ часто желалъ, чтобъ учитель заболѣлъ, и ему непріятно было обнаружить передъ отцомъ это неблагородное чувство. Но онъ еще желалъ, какъ выяснено анализомъ, чтобъ и отецъ его заболѣлъ. Это заходитъ уже глубже, чѣмъ бывшіе до сихъ поръ конфликты, и да будетъ мнѣ позволено воздержаться отъ мотивировки этого желанія. Но то былъ лишь одинъ мотивъ для этого обмана. Второй былъ тотъ, что онъ желалъ „испытать" отца. Онъ хотѣлъ выяснить, знаетъ-ли отецъ „все", особенно, можетъ-ли отецъ замѣтить, что онъ предается пороку, и что онъ скрываетъ про себя весьма „дурныя мысли".

Все это я узналъ отъ него. Почему-же онъ мнѣ налгалъ? Подобно тому, какъ онъ хотѣлъ ложью посрамить всевѣдѣніе своего отца, такъ онъ и мнѣ солгалъ, чтобъ „испытать" меня. Онъ хотѣлъ убѣдиться, знаю я дѣйствительно-ли все, такъ какъ я ему разсказалъ о его душевной

жизни то, чего никто до меня не предполагалъ въ немъ. Эта ложь исходила изъ безсознательныхъ, „навязчивыхъ“ мотивовъ и носила поэтому принудительный характеръ.

Въ этомъ случаѣ мы видимъ весь скрытый механизмъ: сознаніе своей вины передъ отцомъ и учителемъ, которымъ онъ желалъ смерти и психическія задержки, отягощавшія его. Мы уясняемъ себѣ, что при невозможности отказаться отъ порока, не безъ основанія должны явиться импульсы къ самоубійству. Бывали у него дни, когда онъ чувствовалъ такую усталость и жаждалъ покоя. Дни, когда недоставало лишь толчка, чтобы готовую уже фантазію самоубійства претворить въ дѣло. Случайно онъ былъ *лучшимъ* ученикомъ. Что было-бъ, если-бъ онъ былъ *худшимъ* ученикомъ?

Итакъ, наиболѣе глубокія причины дѣтскихъ самоубійствъ заключаются, на мой взглядъ, въ неправильномъ воспитаніи, которое засыпаетъ ребенка нѣжностями съ одной стороны, а съ другой — такъ сильно отягощаетъ ограниченіями и запретами того-же ребенка, вѣчно жаждущаго нѣжности и любви, неспособнаго жить безъ ласки, что онъ дѣлается неспособнымъ *испытывать наслажденіе безъ чувства виновности.* Гигіеническія, этическія и религіозныя ограниченія и требованія ложатся такимъ тяжкимъ бременемъ на душу ребенка, что дѣлаютъ для него невозможнымъ, какъ и для взрослаго, переносить жизнь.

Тутъ слѣдовало-бъ приложить всѣ усилія. Это была-бы благодарной задачей для учителей, которые тѣмъ самымъ могли-бы стать учителями человѣчества. Мое мнѣніе: *школа не служитъ причиной самоубійства учащихся, но единственный и, можетъ быть, величайшій грѣхъ ея въ томъ, что она не оберегаетъ дѣтей отъ самоубійствъ.* Она должна была-бъ приходить на помощь ребенку въ то тяжелое время, когда воздушные замки его рушатся, и жестокая жизнь убѣждаетъ въ невозможности

осуществить его фантазіи. *Отъ неосуществимости своихъ фантазій умираетъ ребенокъ и невротикъ.* То обстоятельство, что находится такъ много даровитыхъ, талантливыхъ дѣтей, отказывающихся вслѣдствіе болѣзненной переоцѣнки моментальнаго аффекта отъ всего, что можетъ имъ дать еще жизнь,—показываетъ лишь, что дѣтей не сумѣли своевременно подготовить къ крушенію идеаловъ, что воспитатель упустилъ время, когда можно было вывести ребенка изъ міра сказокъ—въ жизнь. Что онъ не сумѣлъ привить подростку тотъ кругозоръ, благодаря которому становится невозможнымъ психическое ссуженіе поля зрѣнія, не сумѣлъ выяснить ему ничтожность личныхъ переживаній въ сравненіи съ безконечной полнотой и безграничностью вселенной.

Воспитывать—значитъ приспособлять ребенка къ дѣйствительной жизни. Мы воображаемъ, что благодаря „радостной“ молодости у ребенка накопляется сокровище воспоминаній, которыми онъ будетъ питаться всю жизнъ. Мы не думаемъ о томъ, что слухъ привычный къ чистой гармоніи, чувствительно оскорбляется неожиданной дисгармоніей, мы думаемъ что, издавая дисгармоничные аккорды, можно произвести наилучшее дѣйствіе. Воспитатель, пріучающій ребенка отказывать себѣ, стоитъ этически гораздо выше того, кто ведетъ его отъ наслажденія къ наслажденію.

Школа должна попытаться нѣжной рукой вывести до нѣкоторой степени ребенка изъ царства фантазіи въ жизнь. Не пустымъ наборомъ формулъ, аористовъ, аккузативовъ и инфинитивовъ, алгебраической чепухой и забивающей голову хронологіей! Не жестокими испытаніями и вокабульными пытками! Она должна умѣть направить мысль ребенка къ живой природѣ, къ вѣчнымъ твореніямъ стараго и новаго искусства, ко всѣмъ завоеваніямъ культуры. Какую важную роль смогла бы сыграть при этомъ величайшая учительница человѣчества—исторія, теперь еще даже учесть нельзя. Коротко

—ребенку должна быть дана возможность находить въ школѣ ту любовь, къ которой онъ привыкъ, которой онъ жаждетъ, и отсутствіе которой для него такъ болѣзненно. Ему должна быть дана возможность повысить свое чувство и сбывать из-излишекъ своей энергіи. Учителю слѣдовало-бы быть другомъ своихъ учениковъ и ученикомъ жизни. Самое горячее стремленіе и самая возвышенная цѣль его: пробить брешь въ старыхъ императивахъ, показать новыя цѣли и создать *свободныхъ,* независимыхъ людей.

Dr. med. ALFRED ADLER.

Цѣнность статистическихъ изслѣдованій отнюдь не можетъ быть отрицаема, пока они не имѣютъ цѣлью обрисовать картину размноженія случаевъ самоубійствъ и сопутствующія имъ обстоятельства. Выводить заключенія—о психической индивидуальности, о мотивахъ самоубійства на основаніи одной статистики невозможно. Тутъ легко можно придти къ опрометчивымъ обвиненіямъ учрежденій или лицъ, поскольку побудительные мотивы въ полномъ объемѣ своемъ остаются неизвѣстными. Такимъ путемъ можно лишь раскрыть соціальное бѣдствіе, недостатки школьныхъ учрежденій, ошибки педагогики, и многія иныя больныя мѣста нашей культуры.

Однако выясняется-ли такимъ образомъ *психологическое состояніе* самоубійцы и его душевная *динамика*, изгоняющая его изъ жизни. Если намъ извѣстно, что плотнѣе населенныя мѣстности даютъ сравнительно бóльшее число самоубійствъ, что въ извѣстные мѣсяцы коэффиціентъ смертности отъ самоубійствъ повышается, то можемъ-ли мы изъ этого вывести хоть одинъ достаточный, *уясняющій мотивъ?* Нѣтъ. Мы узнаемъ лишь, что самоубійство, какъ всякое иное явленіе, подчинено закону большихъ чиселъ, что оно стоитъ въ связи съ другими соціальными явленіями.

Самоубійство можетъ быть понято лишь съ точки зрѣнія индивидуальной, хотя предпосылки и слѣдствія его соціальныя.

Это напоминаетъ о развитіи ученія о неврозахъ, а также

о томъ, что, пока не выяснены вполнѣ психологическая картина и сущность мотивовъ самоубійства, нельзя думать о пониманіи или даже основательномъ леченіи ихъ.

И если-бъ уже путемъ соціальныхъ начинаній найдено было средство для предупрежденія отдѣльныхъ самоубійствъ, какъ пытается дѣлать это армія спасенія въ Лондонѣ, выпуская воззванія, приглашая къ себѣ кандидатовъ на самоубійство, чтобы подавать имъ помощь и утѣшеніе; даже если-бъ удалось на практикѣ ограничить число самоубійствъ—развитіемъ религіознаго чувства, улучшенной педагогикой или соціальными реформами и оказаніемъ помощи—все же было-бы почтенной задачей внести больше ясности въ психическій механизмъ, въ душевную динамику проблемы о самоубійствѣ. Оно важно, во-первыхъ, ради возможности индивидуальной, а затѣмъ, и общей профилактики, посредствомъ педагогики и соціальныхъ реформъ; во-вторыхъ, потому что психическая структура самоубійства стоитъ, можетъ быть, въ связи съ иного рода формами психическаго состоянія и психическими затменіями, раньше всего при нервозныхъ и психическихъ заболѣваніяхъ. Такъ что, въ случаѣ удачи такого рода изслѣдованія, данныя одной проблемы могутъ послужить на пользу другой.

Эта попытка изслѣдовать взаимную связь находитъ себѣ существенную поддержку въ общепринятомъ мнѣніи, склонномъ видѣть въ невмѣняемости самоубійцъ извиняющее обстоятельство, а также и въ данныхъ психіатріи о зависимости между психической болѣзнью и самоубійствомъ.

Откуда врачъ, пользующійся психоаналитическимъ методомъ, можетъ черпать матеріалъ для разрѣшенія вопроса о самоубійствѣ?

Удавшееся самоубійство исключаетъ непосредственное ознакомленіе, хотя бы путемъ разспрашиванія или изслѣдованія.

Въ такомъ случаѣ приходится пользоваться лишь свѣдѣніями подмѣченными и сообщенными окружающими. Но къ этимъ даннымъ надо относиться съ осторожностью и, въ крайнемъ случаѣ, тогда лишь можно придавать имъ значеніе, когда они совпадаютъ въ общемъ съ психологическими данными. Что касается мнѣній окружающихъ, то необходимо особенно помнить то, что непомѣрно чувствительный характеръ самоубійцы постоянно маскируется и облекается таинственностью.

Слѣдовательно, доступными для изслѣдованія посредствомъ психоаналитическаго метода остаются лишь случаи неудавшихся самоубійствъ и весьма часто неисполненныя намѣренія убить себя. Этотъ вопросъ, конечно, усложняется, потому что случаи эти носятъ обыкновенно характеръ компромисса, когда люди остаются въ нерѣшительности или избираютъ неподходящія средства и, ища смерти, заботятся въ то-же время о возможности спасенія.

Тѣмъ не менѣе, это единственный путь для достовѣрнаго выясненія, какого рода смерти ищутъ люди, и какіе мотивы руководятъ ими. По этому поводу я могу опредѣленно сказать, что рѣшеніе убить себя зарождается при тѣхъ-же условіяхъ, при которыхъ появляются нервозныя заболѣванія (неврастенія, неврозъ страха и навязчивости, истерія, параноя, или отдѣльные нервозные припадки). Эта *„невротическая динамика“* описана мною въ работахъ: „Über neurotische Disposition“ *) и „Psychischer Hermaphroditismus im Leben und in der Neurose“ **), составляющихъ продолженіе моей *„Studie über Minderwertigkeit von Organen (Urban* und *Schwarzenberg).* Вѣна 1907 г.). Руководящія идеи этихъ работъ слѣдующія:

---

*) См. Jahrb. f. psychoanalytische und psychopathologische Fortsetzungen 1909 г. *Denticke,* Берлинъ, Вѣна.

**) См. Fortschritte der Medizin, 1910 г. выпускъ 16, *Thieme,* Лейпцигъ.

Каждый ребенокъ выростаетъ въ условіяхъ, навязывающихъ ему двойственную роль, которую онъ не воспринимаетъ сознаніемъ, но чувствуетъ чутьемъ. Съ одной стороны, онъ маленькій, слабый, несамостоятельный ищетъ опоры, ласки, помощи и поддержки. И вскорѣ онъ поддается необходимости, вынуждающей его, слабаго, къ повиновенію и подчиненію, если онъ желаетъ получать удовлетвореніе своихъ стремленій и пріобрѣсти любовь окружающихъ его. Покорность, униженность, религіозность, вѣра въ авторитетъ (суггестивность, подверженность гипнозамъ и мазохизмъ у нервозныхъ) происходятъ изъ этого первоначальнаго чувства слабости и представляютъ картины психическаго состоянія, съ которыми, очевидно, связаны уже нѣкоторые слѣды агрессивности, попытки заполучить кое-какую любовь и удовлетворить свои стремленія.

Въ то-же время, по мѣрѣ развитія, все больше и больше проявляются черты своеволія, стремленіе къ самостоятельности, высокомѣріе, упорство, которыя вступаютъ въ противорѣчіе съ противоположными чертами повиновенія. Подъ давленіемъ внѣшняго міра и съ развитіемъ въ ребенкѣ честолюбія и желанія стать большимъ и удовлетворять свои инстинкты, контрастъ этотъ постоянно усиливается. Источникъ этого контраста между отдѣльными чертами характера кроется во внутреннемъ противорѣчіи между подчиненіемъ и стремленіемъ къ удовлетворенію своихъ желаній. Ребенокъ весьма скоро замѣчаетъ, что въ его маленькомъ мірке превосходство принадлежитъ силѣ, и находитъ многочисленныя подтвержденія этому въ мірѣ большихъ. Такимъ образомъ, онъ изъ чертъ повиновенія сохраняетъ лишь тѣ, которыя приносятъ ему пользу, скажемъ, любовь, похвалу, ласку или награду. Къ сожалѣнію, именно такого рода отношеніе къ жизни развращаетъ ребенка и, по недоразумѣнію, можетъ тенденціозно создавать такія положенія, благодаря

которымъ онъ, будучи уже взрослымъ, не сможетъ обходиться безъ помощи другихъ. Такія дѣти будутъ въ случаѣ болѣзненности, неспособности, робости или слабости такъ устраиваться, чтобы имъ покровительствовали, выказывали сожалѣніе, помогали, чтобы ихъ не оставляли однихъ и т. д... Если это имъ не удается, они чувствуютъ себя обиженными, обойденными, преслѣдуемыми. Чрезвычайно болѣзненная чувствительность мѣшаетъ замѣтить свою собственную слабость. Въ злоключеніяхъ ихъ всегда виновата судьба, неудача, дурное воспитаніе, родители, весь свѣтъ, и съ этой цѣлью, они доводятъ свои горести до степени ипохондріи, міровой скорби и неврозовъ. Мало того! Гоняясь за сожалѣніемъ, за предпочтеніемъ, они научаются цѣнить болѣзнь, какъ средство, съ одной стороны для того, чтобъ заинтересовать собой окружающихъ, а съ другой, чтобы подъ предлогомъ ея уклоняться отъ принятія какого-бы то ни было рѣшенія, поступка, проявленія какой-либо самостоятельности. Этотъ страхъ передъ „рѣшеніемъ" (экзаменаціонные страхи нервозныхъ) не даетъ ему возможности довести что-либо до конца, но въ то-же время вызываетъ его сильнѣйшее нетерпѣніе и торопливость, превращающія для него ожиданіе (рѣшенія, результата) въ величайшую пытку. Этотъ страхъ становится лишь тогда понятнымъ, когда знаешь какія безумныя идеи величія кроются въ безсознательныхъ переживаніяхъ невротиковъ и какъ, въ то-же время, ихъ сопровождаетъ чувство, подсказывающее ихъ неисполнимость и несбыточность.

Это внутреннее психическое напряженіе, діалектическій поворотъ отъ чуства своей слабости къ высокомѣрію, въ душѣ ребенка сопровождается и охраняется длительными состояніями аффекта страха, неувѣренности, сомнѣнія въ собственныхъ силахъ. И тѣмъ сильнѣе, чѣмъ больше динамическое дѣйствіе контраста, чѣмъ болѣе гипертрофироваными оказываются тщеславіе и честолюбіе.

Путемъ приведенія этихъ чрезмѣрныхъ психическихъ напряженій къ зачаткамъ ихъ въ дѣтствѣ, психоаналитическій методъ даетъ возможность разыскать причины ихъ, ихъ важное значеніе, чрезвычайную силу и упорство. У людей нервозныхъ, или чрезвычайно даровитыхъ, или доступныхъ изслѣдованію самоубійцъ, мнѣ во всѣхъ случаяхъ удавалось показать, что въ раннемъ дѣтствѣ они особенно сильно испытывали чувство своей „малоцѣнности", слабости, негодности. Я давно уже указалъ на прирожденную „малоцѣнность", слабость органовъ и системъ ихъ, какъ на первопричину этого чувства, благодаря которому дитя при вступленіи въ жизнь, вслѣдствіе болѣзненности, слабости, неповоротливости, безобразной наружности и уродливости, а также вслѣдствіе дѣтскихъ недостатковъ (недержаніе мочи, затрудненный стулъ, недостатки рѣчи, заиканіе, ненормальности зрѣнія и слуха), отстаетъ въ развитіи, оттѣсняется, уходитъ на задній планъ*).

Исходящія изъ этого чувства малоцѣнности, стремительныя попытки „сверхкомпенсаціи" (Ueberkompensation) — а это равносильно преодолѣнію недостатковъ съ помощью энергичной тренировки мозга, — часто бываютъ удачны, но все таки надолго оставляютъ въ психикѣ слѣды чрезмѣрныхъ напряженій. Ребенокъ, не умѣвшій когда-то соблюдать опрятность постели, становится образцомъ чистоты, дитя съ непроизвольнымъ отправленіемъ стула превращается въ сверхъ-эстета, первоначальная слабость и чувствительность зрѣнія предопредѣляютъ иногда художника или поэта, а заика Демосѳенъ становится величайшимъ ораторомъ Греціи**). При томъ

*) Недавно *Bartel* (Вѣна) поставилъ въ связь съ самоубійствомъ частный случай этой органической малоцѣнности, лимфатическую конструкцію. Въ широкомъ смыслѣ, какъ понимаетъ ее авторъ, она, какъ и указанная мною органическая малоцѣнность, окажется почвой для невроза. Ключъ къ уразумѣнію связи въ обоихъ случаяхъ — въ дѣтскомъ чувствѣ малоцѣнности.

**) См. также Kunst und Auge, Österreichische Wochenschrift 1908 г.

всѣ они отличаются въ жизни безумной жаждой успѣха, и вслѣдствіе повышенной чувствительности стараются завоевать верхи культуры. Жажда мести, педантизмъ, алчность и зависть характеризуютъ такую эволюцію, равно какъ черты особаго мужества, даже жестокости и садизма.

Еще одно обстоятельство только можетъ усилить это напряженіе, и оно то особенно усиливаетъ патологическій характеръ этой динамики превращенія въ противоположность. Оно заключается въ часто встрѣчаемомъ „психическомъ гермафродитизмѣ". Двойственная роль приводитъ многихъ дѣтей къ напрашивающейся аналогіи, основанной на невѣрныхъ, но почерпнутыхъ изъ дѣйствительности выводахъ,—аналогіи, которой съ древнихъ временъ придерживалась большая часть человѣчества, и которую цѣлый рядъ величайшихъ умовъ—назову лишь Шопенгауэра, Ницше, Moebius'а, Вейнингера—пытался подкрѣпить геніальными софизмами. Я имѣю въ виду отождествленіе подчиненія—съ женскимъ, а властвованія—съ мужскимъ началомъ. Эти взгляды довольно часто навязываются ребенку средой и семейными отношеніями. Всякая форма агрессивности и активности воспринимается, какъ мужская черта, а пассивность,—какъ женская. Тогда ребенокъ стремится перейти отъ повиновенія къ упрямству, отъ послушанія къ злонравію, сойти съ пути дѣтской покорности и мягкости, стараясь замѣнить ихъ напускнымъ высокомѣріемъ, упорствомъ, ненавистью, жаждой мести. Коротко говоря, въ соотвѣтственныхъ случаяхъ (при остромъ „чувствѣ малоцѣнности") у мальчиковъ, какъ и у дѣвочекъ, „является безумный протестъ мужского начала". Даже тѣлесные недостатки и слабости могутъ быть использованы ребенкомъ какъ оружіе, (напримѣръ, болѣзненность головная боль, мокрая постель и т. п.), чтобы обезпечить ему длительный интересъ и извѣстную власть надъ окружающими. Такимъ путемъ безсознательно создаются поло-

женія, когда болѣзнь, даже собственная смерть становятся желательными, отчасти для того, чтобы причинить роднымъ боль, отчасти, чтобы показать имъ, что они потеряли въ обиженномъ ребенкѣ. По моимъ наблюденіямъ такое душевное состояніе обыкновенно служитъ почвой, на которой вырастаютъ самоубійства и покушенія на самоубійство. Съ той лишь разницей, что въ позднѣйшіе годы объектомъ этого акта мести избираются не родители, а учитель, любимый человѣкъ, общество, міръ*).

Идея самоубійства возникаетъ при тѣхъ-же душевныхъ состояніяхъ, что и неврозъ, невротическіе припадки или психозы. Самоубійство и психозы суть, какъ и неврозы, результатъ сходныхъ душевныхъ состояній, вызванныхъ—у предрасположенныхъ—разочарованіемъ или униженіемъ, и вновь разжигающихъ испытанное въ дѣтствѣ чувство малоцѣнности. Самоубійство и неврозы суть попытки слишкомъ напряженной психики уйти отъ сознанія этого чувства малоцѣнности, негодности, и являются поэтому одновременно. Въ другихъ случаяхъ, руководящимъ оказывается конституціональный моментъ (сильная агрессивность) или примѣръ. Но и противъ этой „наслѣдственности" можно бороться такимъ же путемъ, а именно, психоаналитическимъ методомъ. Онъ вскрываетъ дѣтское чувство малоцѣнности, вводитъ это

*) *Примѣчаніе*: Прекрасно рисуетъ психологію самоубійцы изъ мести, въ наказаніе за отвергнутую любовь *Левъ Толстой* въ Аннѣ Карениной: „И смерть, какъ единственное средство возстановить въ его сердцѣ любовь къ ней, *наказать его* и одержать побѣду въ той борьбѣ, которую поселившійся въ ея сердцѣ злой духъ велъ съ нимъ, ясно и живо представилось ей"... „Она лежала въ постели съ открытыми глазами, глядя при свѣтѣ одной догоравшей свѣчи на лѣпной карнизъ потолка и на захватывающую часть его тѣнь отъ ширмъ, и живо представляла себѣ, что онъ будетъ чувствовать, когда ея уже не будетъ и она будетъ для него только одно воспоминаніе. „Какъ могъ я сказать ей эти жестокія слова?" будетъ говорить онъ. „Какъ могъ я выйти изъ комнаты, не сказавъ ей ничего? Но теперь ея ужъ нѣтъ. Она навсегда ушла отъ насъ. Она тамъ..."

раздутое чувство въ его надлежащіе предѣлы, исправляя невѣрную оцѣнку, а мятежный „протестъ мужского начала“ подчиняетъ расширенному сознанію.

Самоубійство и неврозы—это дѣтскія формы реакціи на дѣтскую переоцѣнку униженій и разочарованій. Поэтому самоубійство равно какъ и неврозы и психозы—являются вѣрнымъ средствомъ уйти отъ жизненной борьбы съ наносимыми ею ранами.

Dr. phil. KARL MOLITOR.

Вопросъ о самоубійствахъ среди учащихся имѣетъ для педагоговъ громадное значеніе, не только въ виду потрясающаго впечатлѣнія, производимаго этими ужасными случаями, и въ другомъ, смыслѣ, болѣе широкомъ. Вѣдь каждому случаю самоубійства—какъ было уже указано—соотвѣтствуетъ несравненно большее число случаевъ, когда такими-же причинами вызываются нервныя заболѣванія или, по крайней мѣрѣ, болѣе или менѣе продолжительная психическая депрессія. Слѣдовательно, если-бы изслѣдованіе проблемы самоубійства привело къ какимъ-либо практическимъ выводамъ для педагога, то польза отъ нихъ сказалась бы на множествѣ другихъ, на всемъ дѣлѣ воспитанія. Зависимость между школой и самоубійствомъ получила-бы глубокое и интересное освѣщеніе. Прежде всего стало-бы очевиднымъ, какъ поверхностны и безсмыслены разглагольствованіи дилеттантовъ—педагоговъ, избравшихъ своей трибуной нѣкоторыя газеты и въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ самоубійства учащагося заранѣе обвиняющихъ учителей, если не въ предумышленномъ убійствѣ, то по крайней мѣрѣ въ убійствѣ по неосторожности. Виновность отдѣльныхъ лицъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ должна быть добросовѣстно доказана разслѣдованіемъ. Допускать же ее какъ нѣчто вѣроятное, никакъ нельзя. Вѣдь, приводимые обыкновенно статистикой „мотивы“ въ лучшемъ случаѣ относятся лишь къ поводу, толкнувшему на самоубійство. Детальное же освѣщеніе отдѣльныхъ случаевъ пока-

зываетъ, что такими рѣшающими моментами сплошь да рядомъ оказываются такія неудачи и обиды, которыхъ невозможно совершенно избѣжать при нашемъ школьномъ строѣ (да и при всякомъ иномъ школьномъ строѣ), и которыя до извѣстной степени можно даже предвидѣть, какъ показываютъ статистическія данныя.

Но этимъ вопросъ для педагоговъ, конечно, еще неисчерпывается. Если-бъ зависимость между школой и самоубійствами, дѣйствительно, была такъ ясно очевидна, то вопросъ легко было-бы разрѣшить прокурорскими и дисциплинарными разслѣдованіями Въ дѣйствительности-же приходится распутывать болѣе тонкія нити.

Въ этой проблемѣ можно различить два вопроса. Мы видѣли, что школьныя непріятности могутъ доводить до самоубійства лишь такихъ индивудуумовъ, которые уже до того испытывали тяжелую психическую угнетенность. Является, поэтому, вопросъ: способствуетъ ли школьная жизнь увеличенію этого психическаго гнета? *Dr. Sadger* указалъ уже, что школа можетъ имѣть благотворное вліяніе на учащагося, что хорошія отношенія къ школѣ, къ учителю, могутъ поддержать его въ тяжелую минуту. Но тогда возникаетъ второй вопросъ: возможно-ли такое благотворное вліяніе при нынѣшнемъ строѣ нашей школы?

На первый вопросъ безусловно приходится отвѣтить рѣшительнымъ *да*. Профессоръ *Freud* желаетъ, чтобы школа лучше обращалась съ дѣтьми, чѣмъ жизнь—со взрослыми, чтобы къ юношеству не предъявляли такихъ же требованій, какъ къ взрослымъ. Въ дѣйствительности же положеніе вещей—обратное. Школа часто возлагаетъ на учащихся гораздо больше, чѣмъ можетъ выдержать даже взрослый. Наша система оцѣнки знаній учащихся: отмѣтками, постановленіями педагогическаго совѣта и аттестатами создаетъ документальныя доказательства и оффиціальныя свидѣтельства его неуспѣш-

ности и *можетъ* стать душевной пыткой для того, кому ученіе дается съ трудомъ. Это передается часто даже роднымъ: есть, вѣдь, цѣлыя семьи, которыя страдаютъ настоящимъ школьнымъ неврозомъ, и въ которыхъ удачная или неудачная письменная работа по латыни вызываетъ бурю отчаянія или радости.

Эти обстоятельства вызываютъ сильнѣйшіе нападки на современную среднюю школу. И все таки въ нихъ много несправедливаго. Не школой, какъ таковой, создаются эти обстоятельства, а *той ролью, которая отведена ей въ жизни обществомъ.* Наша средняя школа лишь на второмъ планѣ учебно-воспитательное заведеніе; всего то оно *учрежденіе для полученія дипломовъ и связанныхъ съ ними правъ.* Мы все болѣе приближаемся къ тому, что аттестатъ зрѣлости становится conditio sine qua non для занятія не только какого-либо высшаго поста, но даже самой второстепенной должности на государственной службѣ и въ большихъ предпріятіяхъ (желѣзныхъ дорогахъ и т. п.). Тенденція, положенная тутъ въ основаніе, ясна: высшіе и средніе соціальные слои желаютъ такимъ образомъ заранѣе обезпечить за своими сыновьями возможно бо́льшее число доходныхъ мѣстъ. И дѣйствительно, въ наше время многіе молодые люди со сдачей экзамена зрѣлости считаютъ бо́льшую часть своей жизненной задачи выполненной, о прочемъ позаботится ужъ дядя, тетка или крестный отецъ. Однако-жъ, этотъ столь хорошо придуманный институтъ страшно мститъ за себя: естественному значенію дѣтскихъ и юношескихъ лѣтъ прививается нѣчто искусственное и нездоровое, принимается во вниманіе не то, какъ развивается въ это время индивидуумъ, а какія онъ *знанія проявляетъ*, и къ тому же въ отрасляхъ, весьма отдаленныхъ отъ его будущихъ жизненныхъ интересовъ.

Вотъ въ чемъ корень зла. Пріобрѣтеніе правъ по об-

разованію придаетъ всей нашей школѣ нездоровый характеръ. Она превращаетъ учителя въ орудіе соціальнаго подбора и тѣмъ самымъ прямо вынуждаетъ его быть строгимъ, часто даже суровымъ; ибо стоитъ ослабить требованія—и рѣшающими окажутся не дарованія и трудоспособность индивидуума, а соціальное положеніе родителей. Это ставитъ его въ двойственное положеніе въ отношеніи учащихся. Ему приходится быть съ одной стороны воспитателемъ и другомъ, а съ другой—судьей и представителемъ государственной власти. Это портитъ отношенія его къ родителямъ, которые лишь въ въ самыхъ рѣдкихъ случаяхъ бываютъ откровенны съ человѣкомъ, могущимъ быть столь полезнымъ или столь вреднымъ для ихъ дѣтей. Это заставляетъ его также стать въ извѣстномъ смыслѣ тренировщикомъ, поощрять слабаго ученика напрягать до крайности свои силы и способности, чтобъ не лишить его выгодъ, даваемыхъ аттестатомъ, и какой бы то ни было цѣной „вытащить“ слабо одареннаго.

Укажу лишь вкратцѣ на тотъ обостряющій положеніе фактъ, что школы у насъ массовыя, что въ извѣстныхъ мѣстностяхъ (Вѣна) переполненіе классовъ прямо стало обычнымъ. Благодаря этому затрудняется усвоеніе учебнаго матеріала, обостряется конкурренція. Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ учитель вынужденъ требовать дисциплины, которую самъ находитъ слишкомъ суровой. Индивидуализированіе становится почти невозможнымъ. Желаніе считаться съ индивидуальностью ученика ниже средняго уровня, весьма легко принимается общественнымъ мнѣніемъ класса за поблажку.

Какъ плохо могутъ отражаться подобныя обстоятельства на дѣтей съ нервозными задатками—если даже предположить благожелательную справедливость и педагогическій тактъ въ учителяхъ—и къ какимъ опаснымъ послѣдствіямъ можетъ повести такое положеніе дѣла, станетъ для насъ

яснымъ, если вспомнимъ слова д-ра *Adler*'а о роли, какую играетъ во время психическихъ кризисовъ „чувство своей малоцѣнности". И нельзя отрицать, что современная средняя школа прямо систематически культивируетъ въ довольно большой группѣ учащихся это чувство „малоцѣнности". Вмѣсто того, чтобы поддерживать, она подавляетъ въ учащихся самосознаніе. Дѣлается это силой обстоятельствъ, такъ что учитель, какъ бы онъ ни былъ хорошъ, можетъ лишь смягчить этотъ процессъ, но не устранить его. Педагогическія реформы нашего министерства абсолютно ничего не могутъ сдѣлать, ужъ по тому, что циркуляры его, часто цѣлесообразные, а еще чаще составленные на скорую руку — непослѣдовательны, совершенно не добираются до корня вещей. Они имѣютъ цѣлью раньше всего отвлечь вниманіе общества отъ существующаго у насъ буквально „голода" на среднія школы, — длящагося уже годами зла, какъ напр. (переполненіе нашихъ вѣнскихъ школъ). А объ отмѣнѣ „правъ по образованію" и думать уже нечего; когда объ этомъ и поднимается вопросъ, то имѣется въ виду лишь измѣнить распредѣленіе правъ между отдѣльными типами школъ, а не отмѣнить то положеніе, при которомъ оцѣнка трудоспособности взрослаго человѣка зависитъ отъ того, какимъ онъ былъ, часто нѣсколько десятилѣтій тому назадъ, на школьной скамьѣ.

Вліяніе этого зла, коренящагося въ нашихъ школьныхъ порядкахъ, усугубляется еще психологическими моментами, занимающими родителей и учителей. Само по себѣ уже громадное практическое значеніе школьнаго аттестата преувеличивается еще многими родителями. Просто дико и смѣшно наблюдать, какъ нѣкоторые родители считаютъ „провалъ" серьезнымъ несчастьемъ — даже если вытекающая отсюда необходимость поддерживать мальчика лишній годъ не играетъ никакой роли. Нѣтъ ничего болѣе характернаго

для господствующей въ нашей жизни чиновной психологiи, какъ обычная въ такихъ случаяхъ жалоба: „теряетъ годъ“. Ибо это, вѣдь, вѣрно лишь для будущей служебной поры, а не для духовнаго и тѣлеснаго развитiя учащагося. Напротивъ, мальчику спасаютъ годъ или нѣсколько лѣтъ молодости, когда даютъ ему свободу и отдыхъ, вмѣсто того, чтобы гнать его подъ постояннымъ давленiемъ изъ класса въ классъ, пока въ концѣ концовъ не настанетъ катастрофа. А она должна, при такихъ условiяхъ, настать и именно тогда, когда учащiйся привыкнетъ уже находиться въ числѣ послѣднихъ учениковъ и когда, по технически учебнымъ причинамъ, хорошiя стороны репетированiя совершенно потонутъ въ морѣ дурныхъ. Если бы родители проявляли въ этомъ отношенiи больше пониманiя, то это избавило бы дѣтей отъ многихъ переводныхъ страховъ, и признакъ „дурного аттестата“ потерялъ бы значительную долю своихъ ужасовъ. Еще болѣе опасную игру ведутъ родители, насильно удерживающiе своего ребенка на опредѣленномъ учебномъ пути, не смотря на ясно выраженное отвращенiе съ его стороны. Иное, понятно, значенiе имѣетъ провалъ въ высшихъ классахъ средней школы. Тутъ юноша всѣми силами стремится ужъ выйти изъ школы, и одной мысли о необходимости провести еще годъ въ столь надоѣвшихъ ему условiяхъ, и безъ усиливающихъ внѣшнихъ обстоятельствъ, достаточно чтобы, при готовой заранѣе почвѣ, вызвать кризисъ.

Съ другой стороны учителя, для которыхъ вполнѣ нормально, чтобъ часть класса „срѣзывалась“, которые могутъ даже высчитать въ процентахъ эту часть, врядъ-ли способны достаточно уяснить себѣ, какъ дiаметрально противоположно относятся къ этому явленiю сами учащiеся. Поэтому, они считаютъ иногда нужнымъ въ педагогическихъ цѣляхъ подчеркивать или даже преувеличивать страхъ провала. Вообще можно наблюдать слѣдующее: больше

всего педагогической и дисциплинарной работы требуютъ отъ учителя, конечно, наименѣе податливые ученики, относящіеся къ дисциплинарнымъ мѣрамъ школы съ извѣстнымъ равнодушіемъ. Это невыгодно отражается на томъ представленіи о всемъ классѣ, которое составляетъ себѣ учитель и на принятомъ имъ общемъ итогѣ. Поэтому и нерѣдко случается, что съ болѣе чувствительными дѣтьми они гораздо строже, чѣмъ это допустимо лишь по тому, что самъ учитель не знаетъ, какое впечатлѣніе производятъ на нихъ его слова.

Нельзя, однако, не упомянуть, что это, „чувство малоцѣнности“ часто еще даже культивируется сознательно и планомѣрно, и именно, изъ „этическихъ принциповъ“. Всѣ, кто желаетъ сдѣлать школу орудіемъ политической и религіозной реакціи, ставятъ, вѣдь, высшей цѣлью школы „воспитаніе въ духѣ покорности“. Послѣдовательные представители этого направленія доходятъ прямо до подавленія индивидуальной воли. Для примѣра укажу лишь на измышленныя нѣкоторыми провинціальными заведеніями правила и запреты, которые болѣзненно врываются въ частную жизнь учащихся, и цѣль которыхъ нельзя объяснить иначе, какъ желаніемъ заставить учащихся почувствовать какъ слѣдуетъ свою capitis diminutio: „пусть, молъ, учатся подчиняться“. Впрочемъ, въ этомъ обращеніи съ учащимися отразилось лишь то обращеніе, которое учителя до послѣднихъ десятилѣтій допускали по отношенію къ себѣ. Уже съ этой точки зрѣнія все усиливающееся стремленіе учителей къ организаціи представляетъ истинное счастіе для школы: ибо кто самъ обладаетъ сильной волей и не любитъ гнуть спину, тотъ будетъ стараться воспитывать такихъ же людей.

Тема заставила меня сначала довольно подробно остановиться на вредныхъ моментахъ нашей школьной жизни. Однако-жъ я вовсе не желалъ бы вызвать предположенія, будто на мой взглядъ, это зло непреодолимо. Напротивъ, я

твердо убѣжденъ, что сама школьная жизнь заключаетъ въ себѣ важные цѣлительные факторы, которые хотя и имѣютъ нѣкоторое вліяніе при настоящихъ условіяхъ, но не могутъ вполнѣ проявиться. Вмѣстѣ съ д-ромъ *Sadger*'омъ и профессоромъ *Freud*'омъ я полагаю, что школа даетъ ребенку личныя привязанности, что активная и пассивная потребность его въ любви находитъ себѣ здѣсь пищу, что она способствуетъ расширенію альтруистическихъ чувствъ за предѣлы родительскаго дома. Особенно, въ случаѣ кратковременнаго или продолжительнаго отчужденія между ребенкомъ и родителями онъ можетъ найти здѣсь компенсацію, и въ тѣмъ болѣе благопріятной формѣ, что здѣсь между большимъ числомъ индивидуумовъ устанавливается особаго рода внѣшняя близость отношеній, дающая каждому свободу и возможность завязывать съ тѣмъ или другимъ болѣе или менѣе прочныя узы. Господствующая въ семьѣ „обязательная любовь“ тутъ не имѣетъ мѣста. Эта компенсирующая функція школы видна также изъ того, что привязанность къ семьѣ и любовь къ школьнымъ товарищамъ находятся въ обратной пропорціональности: маменькины сынки — плохіе товарищи, для кого идеаломъ остался отецъ, тотъ не ищетъ его въ учителѣ.

Изъ сказаннаго видно уже, что отношенія къ товарищамъ я считаю столь-же важными, какъ и къ учителямъ. И прежняя руководящая роль отца можетъ также перейти къ старшему, рано созрѣвшему соученику.

Каково-же вліяніе нашихъ школьныхъ порядковъ на взаимоотношенія соучениковъ между собою? Въ нѣкоторомъ направленіи прямо тлетворное. Правда, обычное когда-то культивированіе системы доносовъ можно теперь цѣликомъ уже отнести къ области прошлаго. Но экзаменаціонная система со свойственной ей атмосферой конкурренціи продолжаетъ существовать, вызывая ревность и зависть однихъ, самомнѣніе

и гордость другихъ. Но самымъ важнымъ кажется мнѣ то обстоятельство, что отношенія эти развиваются совершенно самопроизвольно, безъ положительнаго, содѣйствующаго вліянія учителя — либо въ свободные часы внѣ школы, либо во время перемѣнъ, когда учителя присутствуютъ лишь въ качествѣ надзирателей. Не въ томъ бѣда, что при такихъ условіяхъ руководящую роль часто могутъ играть лица весьма сомнительной цѣнности. Для насъ важнѣе, что при такихъ условіяхъ дѣти съ описаннымъ въ рѣчи *Adler*'а характеромъ, для которыхъ чувство коллегіальности было-бы особенно цѣнной поддержкой, не находятъ себѣ общества, что робость и неповоротливость часто дѣлаютъ ихъ даже мишенью для всякихъ насмѣшекъ. Это можетъ статъ роковымъ моментомъ для ихъ развитія. Теперь вмѣшательсто учителя возможно лишь изрѣдка, случайно и большей частью безъ особыхъ результатовъ. Значительныхъ успѣховъ можно будетъ достигнуть лишь тогда, когда школа будетъ объединять своихъ воспитанниковъ не только для совмѣстнаго труда, но и для общаго времяпрепровожденія въ часы отдыха.

Большія надежды въ этомъ отношеніи возлагаютъ на прививающіяся игры юношей, которыя на бумагѣ, впрочемъ, гораздо внушительнѣе, чѣмъ въ дѣйствительности. Но тутъ личныя отношенія отступаютъ на заднiй планъ передъ спортивными, а благодаря тому, что руководство играми поручается нерѣдко спеціальному учителю гимнастики или такому преподавателю общихъ предметовъ, который внѣ игръ совершенно не знаетъ своихъ учениковъ, техническая сторона еще болѣе выдвигается на переднiй планъ въ ущербъ психологической. Для нашей цѣли могли бы быть важны такія тѣлесныя упражненія, которыя сами по себѣ ведутъ къ товарищескому единенію, какъ-то: прогулки, гребля, при активномъ, а не пассивномъ лишь участіи учителей. Также благотворное вліяніе на учащихся могутъ имѣть школьныя

экскурсіи, къ сожалѣнію, столь рѣдкія въ настоящее время.

Нѣтъ нужды указывать, что такое измѣненіе въ школѣ измѣнило-бы въ корнѣ также взаимоотношеніе между ученикомъ и учителемъ и значительно сблизило-бы ихъ между собою. Хотя и дѣлаются попытки въ этомъ направленіи, однако, не думаю, чтобы очень ужъ много было сдѣлано, а именно потому, что всякая педагогическая реформа требуетъ денегъ. Пока вѣдомство просвѣщенія аппеллируетъ по поводу такого рода начинаній къ „идеализму учителей", вмѣсто того, чтобы вести ихъ въ кругъ учительскихъ обязанностей и соотвѣтственнымъ образомъ вознаграждать ихъ,—до тѣхъ поръ эта сторона воспитательной дѣятельности будетъ, за рѣдкими исключеніями, развиваться слабо или, по меньшей мѣрѣ, недостаточно энергично. Въ большихъ городахъ, большинство учителей принуждено отдавать свое время побочнымъ занятіямъ.

Впрочемъ, тутъ мы подходимъ къ другому пункту, весьма дурно отзывающемуся на дѣятельности нашей школы. Для того, чтобы заботиться лично, хотя бы и мелькомъ, о каждомъ изъ 100 или болѣе юношей, нужно время. У нашихъ учителей никогда времени нѣтъ. Ни внѣ уроковъ, когда они погружены въ нелѣпое просматриваніе тетрадей, а остальное время должны, часто до полнаго истощенія силъ, отдавать на побочныя занятія. Ни во время урока,—такъ какъ благодаря уменьшенію учебнаго времени и времени приготовленія уроковъ приходится одолѣвать все болѣе обширный учебный матеріалъ въ теченіе часа. Въ результатѣ, не говоря ужъ объ общей нервности нашей школьной жизни, прохожденіе нѣкоторыхъ предметовъ превращается въ форменную гонку; учителя постоянно гнететъ забота: какъ бы успѣть закончить курсъ. Съ одной стороны это ведетъ къ ужасной эксплоатаціи времени, требуетъ наибольшаго изощренія дидактическихъ способностей учителя; съ другой стороны,

благодаря этому, за одностороннимъ ремесленникомъ преподавателемъ все болѣе стушевывается въ учителѣ педагогъ, воспитывающій человѣка. И такъ какъ для каждаго ученика въ отдѣльности у него не хватаетъ времени, то онъ оперируетъ абстракціей: „классъ". Онъ хочетъ довести „классъ" до хорошихъ успѣховъ, это вопросъ его чести; если-же попытки учителя повысить успѣшность слабаго ученика не достигаютъ такъ скоро желанной цѣли, то у него является вполнѣ понятное съ точки зрѣнія его личной психологіи и интересовъ его дѣла, желаніе удалить этого ученика, такъ какъ онъ понижаетъ „уровень класса". Такимъ образомъ учитель, любящій, въ общемъ, свое дѣло и своихъ учениковъ, можетъ ожесточиться противъ одного изъ. нихъ.

Въ этомъ, по моему, кроются причины того, что въ наше время столь рѣдки такіе педагоги, какихъ желалъ-бы видѣть профессоръ *Freud*. Положеніе и характеръ преподаванія толкаютъ учителей на совершенно противоположный путь. Распространенное въ обществѣ мнѣніе, будто все зло въ школѣ исходитъ отъ негодныхъ въ педагогическомъ отношеніи учителей—при близкомъ изслѣдованіи оказывается неосновательнымъ. Разумѣется, выдающійся педагогическій талантъ и теперь можетъ развить плодотворную дѣятельность. Но такой массовый институтъ, какъ современная школа, не можетъ разсчитывать на исключительное дарованіе своихъ органовъ; она должна быть такъ организована и проникнута такимъ духомъ, чтобы и дѣльная посредственность могла во всѣхъ отношеніяхъ удовлетворительно исполнять свои обязанности.

Мнѣ пришлось коснуться самыхъ различныхъ вопросовъ школьной жизни—но думается, что я не заслужилъ упрека въ отклоненіи отъ темы. Психическое вліяніе школы, въ хорошую или дурную сторону, зависитъ именно отъ многихъ различныхъ факторовъ. Но мнѣ еще остается остано-

виться на вопросѣ о томъ, возможно-ли предохранительными мѣрами въ школѣ бороться противъ самоубійствъ.

Тутъ я раньше всего желалъ бы подчеркнуть, что механическая профилактика, вродѣ сдѣланныхъ напр. въ Вѣнѣ попытокъ, не выдавать „подозрительнымъ по самоубійству" учащимся дурныхъ аттестатовъ или вручать ихъ лично родителямъ—по моему ни къ чему не ведетъ. Съ одной стороны является рискъ совершенно проглядѣть тѣхъ, кто находится дѣйствительно въ опасности. Съ другой—такимъ путемъ создается представленіе, будто самоубійство—въ извѣстной степени нормальная реакція на школьную малоуспѣшность, реакція, которой можно ожидать во всякое время. Этимъ усугубляется суггестивная сила идеи самоубійства и благодаря этому проявляется дремавшая до того времени у нѣкоторыхъ мысль. Суггестивнымъ вліяніемъ объясняется, впрочемъ, и то, что каждое совершенное самоубійство становится величайшей опасностью; видимъ-же мы часто, что кто-либо, давно уже подумывавшій о самоубійствѣ, лишь тогда приводитъ его въ исполненіе, когда находитъ примѣръ для подражанія. Это обстоятельство требуетъ крайней осторожности и большого такта при разслѣдованіи случаевъ самоубійства школьной администраціей, и особенно при дискуссіяхъ въ печати. Сенсаціонный тонъ, въ которомъ очень многія газеты обсуждаютъ такія вещи, мученическій вѣнецъ, такъ охотно возлагаемый на такого несчастнаго, легко могутъ повлечь за одной такой жертвой другую. Это не исключаетъ, однако, самой широкой свободы мнѣній и безпощадной критики школьныхъ условій, когда на нихъ можетъ падать вина. Но кто сознаетъ свою отвѣтственность, тотъ скажетъ лишь то, что находитъ нужнымъ сказать, и не станетъ освѣщать происшествіе бенгальскимъ огнемъ сенсаціи и скандала.

Но если мы не возлагаемъ надеждъ на такое механи-

ческое предупрежденіе самоубійствъ, то разумный учитель во многихъ случаяхъ сумѣетъ, можетъ быть, *косвеннымъ* образомъ своевременно предупредить несчастье.

Очень часто настоящимъ стимуломъ къ самоубійству является упрямство и жажда мести (родителямъ или учителямъ). Это, разумѣется, вовсе не значитъ еще, что въ такихъ случаяхъ эти чувства имѣли какой-либо объективныя основанія. Напротивъ, такая мотивировка чаще показываетъ, что лица эти пользовались большой любовью покушавшагося на самоубійство. Но не слѣдуетъ скрывать отъ себя и того, что „упорствуютъ" именно тѣ, съ которыми въ нашей школѣ обращаются наименѣе цѣлесообразно. Гдѣ идеаломъ воспитанія считается безусловное послушаніе, тамъ упрямство является, конечно, большимъ преступленіемъ, и вообще съ такого рода душевными реакціями не считаются, словно онѣ не заслуживаютъ никакого вниманія. Между тѣмъ, именно здѣсь учитель могъ бы во многихъ случаяхъ повліять весьма благотворно, если-бъ въ моментъ, когда проявится упорство, онъ не ждалъ бы просто пока реакція пройдетъ, но самъ прилагалъ бы усилія къ возстановленію хорошихъ отношеній. Разумѣется, средство заключается не въ томъ, что роняя свой авторитетъ, онъ возьметъ назадъ основательное порицаніе, а въ томъ, что онъ проявитъ личное участіе въ судьбѣ учащагося.

Учитель, привыкшій внимательно изучать своихъ учениковъ, легко замѣтитъ типъ, которому по словамъ д-ра *Adler*'а, особенно грозитъ опасность. Безпомощность, робость, легкое появленіе краски въ лицѣ—таковы признаки, которые у нихъ раньше всего бросаются въ глаза. Противорѣчивое, повидимому, соединеніе рѣзко выраженнаго равнодушія и безразличія съ чрезмѣрной чувствительностью составляетъ особенно характерную черту. Обстоятельная бесѣда съ родителями, не ограничивающаяся одними учебными

успѣхами, а касающаяся также характера ученика, могла бы быть очень полезна; она ужъ потому необходима, что такіе учащіеся дома производятъ другое впечатлѣніе, чѣмъ въ школѣ. Такимъ образомъ психологически образованный, любящій свое дѣло учитель можетъ повліять благопріятно и на обращеніи родныхъ съ воспитанникомъ.

Сознаю, что эта скромная попытка использовать для педагогики знанія, пріобрѣтенныя путемъ психоанализа, не удовлетворитъ тѣхъ, кто ждетъ отъ науки прямого отвѣта: да или нѣтъ. Ибо универсальныхъ способовъ предупрежденія самоубійствъ нѣтъ. Но кто понимаетъ, что упрощенію нашего знанія должно предшествовать углубленіе его, тотъ, надѣюсь, вынесетъ впечатлѣніе—не изъ моихъ только разсужденій, а изъ всего хода дискуссіи—что психоаналитическое изслѣдованіе можетъ внести нѣкоторую живую струю въ столь лѣнивое порою теченіе нашей научной педагогики. Въ противовѣсъ опасной поверхности и механизаціи, съ которыми связанъ экспериментальный методъ изслѣдованія въ психологіи—методъ имѣющій при умѣломъ примѣненіи неоспоримыя заслуги—мы находимъ здѣсь, въ психоанализѣ, возможность, даже необходимость дальнѣйшаго углубленія.

Prof. FREUD.

Господа, у меня создалось впечатлѣніе, что, не смотря на весь цѣнный матеріалъ, изложенный здѣсь, мы не нашли рѣшенія интересующей насъ проблемы. Мы желали раньше всего знать, какимъ образомъ является возможнымъ пересилить чрезвычайно могущественный инстинктъ жизни. Удается-ли это съ помощью разочарованій Libido, или же личность можетъ добровольно отказаться отъ существованія изъ чисто эгоцентрическихъ мотивовъ (Ich-motive *).

Отвѣтъ на этотъ психологическій вопросъ намъ потому, можетъ быть, не удалось получить, что мы не можемъ надлежащимъ образомъ къ нему приступить. По моему, тутъ можно исходить лишь изъ клинически извѣстнаго состоянія

---

*) Это кардинальная постановка вопроса Freud'омъ нуждается въ нѣкоторомъ поясненіи. На всякое раздраженіе, исходящее изъ окружающаго міра, человѣкъ отвѣчаетъ какимъ-нибудь чувственнымъ тономъ, чувственная краска сопровождаетъ всѣ его впечатлѣнія и реакціи при столкновеніи съ внѣшней жизнью. Безъ участія чувства невозможенъ психическій контактъ между человѣкомъ и окружающимъ міромъ. Чувство, создающее этотъ контактъ и есть по Freud'у—Libido (любовь) въ самомъ широкомъ смыслѣ слова. Libido бываетъ то положительнаго, то отрицательнаго характера, принимая въ послѣднемъ случаѣ форму ненависти (ненависть—отрицательная форма любви). Чувство это генетически находится въ связи съ компонентами тѣхъ зародышей полового чувства, которыя имѣются уже у ребенка. Является ли самоубійство слѣдствіемъ только разочарованій при переживаніяхъ Libido или же человѣкъ можетъ добровольно уйти отъ женщинъ, убить въ себѣ инстинктъ самосохраненія подъ вліяніемъ конфликта, исходящаго изъ комплексовъ мыслей и чувствъ, связанныхъ съ „я" внѣ сферы и чувственныхъ отношеній къ окружающему — вотъ вопросъ поставленный Freud'омъ, но, къ сожалѣнію, еще не разрѣшенный.

Редакція.

меланхоліи и сравненія ея съ аффектомъ печали. Но явленія аффекта при меланхоліи, судьба Libido въ этомъ состояніи намъ совершенно неизвѣстны, а длительный аффектъ печали не выясненъ еще психоаналитически. Отложимъ-же наше рѣшеніе, пока не разрѣшена будетъ опытомъ эта задача.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

УЧАСТНИКИ:

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ЖИЗНЬ и ДУША“.

Д-ръ Вильг. Штекель. „Что на днѣ души таится“...

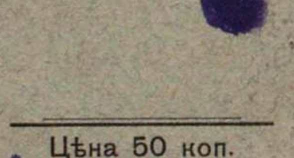
Цѣна 75 коп.

ГОТОВЯТСЯ КЪ ПЕЧАТИ:

Проф. С. Фрейдъ. „Сонъ и Бредъ“. (Разборъ сновъ и бреда въ разсказѣ „Градива“).

В. Іенсенъ. „Градива“.

К. Юнгъ. Роль отца въ жизни индивидуума.

Цѣна 50 коп.

СКЛАДЪ ИЗДАНІЙ:

Книжный магазинъ „ОДЕССКИХЪ НОВОСТЕЙ“

Одесса, Дерибасовская 20. Тел. 24-20.